

КНИГА ГОДА ПО ВЕРСИИ *THE WASHINGTON POST*,
NATIONAL PUBLIC RADIO, *PEOPLE*

Клэр Ломбардо

Перевод
Елены Петровой

Всё как всегда

Мудрое, наполненное живым юмором исследование
брака, материнства, женской психологии.

Бонни Гармус (автор «Уроков химии»)

Большой роман (Аттикус)

Клэр Ломбардо

Всё как всегда

«Азбука»

2024

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Ломбардо К.

Всё как всегда / К. Ломбардо — «Азбука», 2024 — (Большой роман (Аттикус))

ISBN 978-5-389-34897-4

Впервые на русском – эпичная семейная драма в лучших традициях Элизабет Страут и Энн Пэтчетт, национальный бестселлер, книга года по версии The Washington Post, National Public Radio и журнала People; это «мудрое, наполненное живым юмором исследование брака, материнства, женской психологии» (Бонни Гармус, автор «Уроков химии»). После бурной юности Джулия Эймс как будто остепенилась: муж – успешный чикагский бизнесмен, сын – молодой преподаватель в колледже, дочь оканчивает школу и думает, куда поступать. Но случайная встреча в магазине деликатесов со старой знакомой, которую не видела двадцать лет и благодаря которой ее жизнь однажды уже чуть не пошла под откос, вновь выбивает Джулию из колеи. А тут еще и сын ошеломляет ее неожиданной новостью – на торжествах по случаю шестидесятилетия мужа, в подготовку которых она вложила столько сил, – и Джулия вынуждена серьезно задуматься, не передался ли ей от матери демон саморазрушения... «В менее опытных руках эта семейная драма – тайны! раздоры! измены! – обернулась бы очередной мыльной оперой, но Клэр Ломбардо, как умелый картограф человеческого сердца, тонко прорабатывает нюансы и не боится рисковать. Ее Джулия Эймс – достойная наследница Мэрион Хильденбрандт из «Перекрестков» Джонатана Франзена» (The New York Times).

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-34897-4

© Ломбардо К., 2024

© Азбука, 2024

Содержание

Часть I. Затерявшись в супермаркете	7
1	7
2	16
3	23
4	30
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Клэр Ломбардо Всё как всегда

Посвящается Молли

Claire Lombardo
SAME AS IT EVER WAS

Copyright © 2024 by Claire Lombardo

© Е. С. Петрова, перевод, примечания, 2026

© Издание на русском языке. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Издательство Азбука®

Часть I. Затерявшись в супермаркете

1

Происходит это так, как по большому счету происходят с ней все значительные события: по чистой случайности, причем из-за того, что она совершает нечто незапланированное. И происходит, подобно многим случайным событиям, оттого, что она приняла вполне обоснованное (хотя и с крошечным отступлением от заведенного порядка) решение, которое задним числом выглядит почти *неимоверным* совпадением: совсем небольшое отклонение – и контроль полностью утрачен, а вселенная только рада ухватиться за эту редко выбираемую Альтернативу и мчится, как умалишенная, с вытянутыми перед собой руками, словно пытается расчистить проходы в гастрономе; собственно, это как раз про нее: она сейчас находится в магазине деликатесов, где наспех выбирает какие-то продукты для праздничного стола по случаю дня рождения мужа: ему сегодня исполняется шестьдесят.

По любым меркам это лишь небольшое нарушение нормы, безобидная, казалось бы, Альтернатива – выбор малознакомого продуктового магазина; она привыкла делать покупки в другом месте, но там, в ее излюбленном минимаркете, закончилось крабовое мясо.

Позже она вспомнит, как при выходе с пустыми руками из того, первого магазина ее посетила мысль, что столь безобидное изменение привычного распорядка может повлечь за собой нечто катастрофическое, чего в принципе быть не должно. Именно так всегда смотрит на мир Марк, ученый-теоретик, удивительно чуткий: как на совокупность возможных вариантов, либо выбранных, либо не выбранных, и их замысловатых математических последствий. Мозг Джулии начал работать таким же образом не вдруг, а только после их продолжительного знакомства; раньше она всегда довольствовалась мнением, что принятие одного решения запирает дверь для другого, что во Вселенной не существует великого порядка и что *по сути* все это не играет никакой роли; эта вопиющая разница в характерах, возможно, и объясняет тот факт, что Марк прилежно отучился в магистратуре по специальности «инженерное проектирование», а Джулия даже не явилась на вручение бакалаврских дипломов по английскому языку и риторике в университете штата Канзас.

Впрочем, их знакомству без малого три десятка лет, а потому она и впрямь подумала – пусть мимолетно, – что ее кавалерийский наскок на привычный ход вещей способен повлечь за собой некие мрачные последствия, которых можно было избежать, махнув рукой на это крабовое мясо, вместо того чтобы четверть часа мчаться по шоссе в западном направлении; однако, пока она рисовала себе кинематографические ужасы вроде жестокого столкновения с товарным составом или фугасной миной, в реальной действительности ее поджидала единственная катастрофа – столкновение с восьмидесятилетней старушкой, оценивающей башню кумкватов.

Джулия узнаёт ее не сразу. Не то чтобы она сознательно остановила на ней взгляд или хотя бы помедлила: нет, она целеустремленно шагает мимо экологически чистых продуктов к дарам моря, подумывая завернуть еще и в бакалейный отдел в поисках чего-нибудь оригинального: иногда периферийные магазины предлагают более широкий ассортимент. У нее даже зреет решение обождать все отделы – проверить, нет ли там чего-нибудь интересного, что уже расхватили обычные подозреваемые в излюбленном ею магазине, но тут перед ее мысленным взором запоздало всплывает женское лицо, убедительно замаскированное незримым покровом возраста.

Нельзя сказать, что над ней всю жизнь висит угроза встречи с целым сонмом призраков прошлого; есть лишь горстка тех, с кем она искренне надеялась никогда больше не пере-

секаться, и Хелен Руссо – из их числа. Так зачем, спрашивается, уже сделав шаг в сторону стеллажей с изысками бакалеи, выбиваться из людского потока и оборачиваться через плечо? Минуло более восемнадцати лет, что само по себе невероятно, если учесть, что прежде они виделись как минимум раз в неделю, да еще вспомнить, сколь тесен ее собственный мирок, где такая мелочь, как изменение плана покупок, может считаться важным решением.

Она и сама точно не знает, что влечет ее назад – туда, откуда она пришла, но Хелен уже переместилась в отдел самообслуживания и как раз взвешивает пакет кедровых орешков. На торговом ярлыке указана цена за полфунта: «\$16.75», и Джулия припоминает, как в те дни, когда бывала в доме Руссо, относилась ко всяким излишествам, будь то массивные столовые приборы; картины, подозрительно смахивающие на оригиналы; бутылки вина, которые она потом высматривала в магазинах и обнаруживала, что обходятся они в пятьдесят восемь долларов каждая.

В этом отделе она приобретает ингредиенты для одного из любимых деликатесов мужа – крабовых котлеток, запланированных для юбилейного стола. При мысли о Марке на нее накатывает кратковременный приступ слабости. Она бродит с пустой корзиной и, чтобы не выглядеть совсем уж нелепо, бросает туда шар краснокочанной капусты. В чем-то Хелен, как и следовало ожидать, выглядит намного старше, чем помнится Джулии, а в чем-то (задорный конский хвост, блескучие, крупные голубые бусы) нисколько не изменилась. Джулия делает пару шагов, потом еще. Обычно она, королева уклончивости, расценивает свои вылазки за продуктами как снайперские боевые задания и старается поменьше светить лицом; но сейчас этому мешает какой-то демон общительности, который совсем некстати вселился в ее тело и подталкивает все ближе: она уже видит сдвинутые на макушку очки с диоптриями.

– Хелен?

Когда Хелен поворачивается к ней, в глазах у нее зияет странная пустота; взгляд медленно поднимается и опускается. Заподозрив у себя какую-то неопрятность, Джулия проводит рукой по волосам. На миг у нее возникает опасение, как бы ее не приняли за мошенницу: на ней, как выражается Альта, *клоунские штаны* и старая рубашка на пуговицах из гардероба Марка; ей приятно думать, что такое сочетание чудесным образом создает впечатление стильной непринужденности, но эффект скорее противоположный. В пригороде эксцентрично одетая женщина, несущая кочан экологически чистой капусты, может оказаться как бродяжкой, так и всклокоченной богачкой. Джулия начинает прикидывать, сильно ли изменилась она сама со времени их последней встречи, и количество этих изменений обрушивается на нее мощной лавиной; если вдуматься, изменений в ней больше, чем прежних черт. Она нервно ощущает биение пульса в ушах. Есть большая вероятность, что Хелен не узнает ее вовсе (в ней давно засело тревожное открытие: бывает, что для другого человека мы в свое время значили куда меньше, чем тот человек – для нас), но тут Хелен все же произносит:

– Быть такого не может.

Сердцебиение утихает, поглощенное окружающей суетой: какая-то покупательница спорит с мясником, какой-то мужчина говорит в невидимую микротелефонную гарнитуру, ребенок в пуховике пронзительно распевает про Акуленка. Что примечательно: голос Хелен ничуть не изменился; Джулия не без приятности переносится в послеобеденные часы на заднем дворе дома Руссо: Хелен – еще старше, чем Джулия нынче, – изрекает родительские банальности, колкие афоризмы и собственные откровенные признания с уверенностью и легкостью человека, который действительно наслаждается жизнью, что в ту пору изумляло Джулию, весьма далекую от подобного состояния.

– Я... уж думала, мне показалось... – тупо бормочет она.

– Только не говори, что я не постарела ни на день, – говорит Хелен, – иначе тебе не жить. У Джулии вырывается нервный смешок.

– Нет, я сама удивляюсь, насколько...

– Потому как, должна сказать, ты выглядишь *намного* старше, а я, стало быть, еще на миллион лет старше.

Такие заявления скорее удивляют, нежели оскорбляют, и, если честно, Хелен действительно намного старше, но Джулия все же чувствует, что краснеет.

– По мне, миллион – это некоторое преувеличение.

Теперь смехок вырывается у Хелен.

– Стало быть, узнала меня. Это дорогого стоит.

– Как не узнать при такой потрясающей внешности, – почти застенчиво говорит Джулия.

– Помню-помню: лгунья из тебя никакая, – говорит Хелен. – Даже твоя корзина не вполне убедительна.

Взгляды обеих устремляются вниз, на капусту.

– Да я только начинаю покупки, – выдыхает она.

– Как поживаешь-то? – спрашивает Хелен. – Кратенько изложи. Основные вехи.

– Ну, я...

Она не знает, что сказать. Ей приходит в голову, что в последний раз она видела Хелен еще до рождения Альмы, но заявлять об этом почти совсем чужому человеку было бы странно: «Я родила! Семнадцать лет назад!» На самом деле сюжетных линий в ее жизни за последние два десятилетия было несметное количество: столько всего – токсичного и другого – расцвело пышным цветом; на разоренных почвах зазеленели крошечные всходы. Новая работа, новое прибавление в семействе, удвоенные усилия по сохранению брака, но затем, после всего этого, быт как-то устаканился: они стали заводить знакомства, растили детей, взяли собачку – черного терьера (точнее, помесь) по кличке Сюзанна, расцвечивали свою повседневность, использовали кондиционеры для тканей, участвовали в президентских выборах – настойчиво шли в ногу со временем. Яркие раскрашенные бильярдные шары ее дней – они подвижны, напористы, постоянно стучаются друг о друга, меняют направление и требуют ее вмешательства – почему-то кажутся ничтожными. Она не видела Хелен восемнадцать лет; это затрудняет всякие объяснения.

– Всё как всегда, – говорит она обо всем сразу. – Дети, работа и тому подобное.

Посмотрев на себя из прошлого, она бы и сама удивилась: регулярные встречи с мамами за чашкой кофе, именная кредитка элитной сети «Нордстром», относительное благополучие.

– «Дети», – повторяет за ней Хелен. – Во множественном числе?

Вот что, вспоминает она, означало быть рядом с Хелен: постоянно видеть свою прежнюю жизнь в совершенно новых ракурсах, находить тусклые пятна, которые требуется отполировать, или сверкающие, которые вроде бы незаметны: двое детей! Чудо! Хелен театрально вздергивает брови, и лицо ее освещается припоминанием.

– Да, верно, когда мы в прошлый раз виделись, многое только... наклеивалось, верно?

А она-то гадала, вспомнит ли ее Хелен. И вот, вернувшись в тот ужасающий день, она будто бы вновь стоит в библиотеке и видит эту женщину, как тогда думалось, в последний раз.

– Точно, – подтверждает она. – Это... так. Дочка.

– Боже, вот что значит сто лет не виделись. А как сынуля? Ему, должно быть... Он же был... господи, такой малютка, правда?

– Теперь не такой уж малютка, – отвечает она. – Двадцать четыре стукнуло.

Бен обычно сидел у них в ногах под столом, играя со старинными паровозиками, которые муж Хелен, Пит, откопал для него в подвале.

Она прокашливается.

– А у вас что слышно? Как вы все поживаете? Как Пит?

– В могиле, – не моргнув глазом, спокойно отвечает Хелен. – Ну, то есть не я, а он, хотя и я одной ногой уже там, как мы видим.

– О боже. – Ее печаль мгновенна и, на удивление, выплескивается наружу: вот Пит Руссо машет ей с крыши их дома, вот Пит Руссо отдает Бену ведрышки из-под краски, чтобы тот соорудил себе барабаны бонго. – Хелен, я просто...

– Мы с тобой не виделись целую вечность, – прерывает ее Хелен. – Не всякий столько проживет – утраты неизбежны.

– Я просто убита.

– Я тоже, – говорит Хелен, и на миг ее колючая веселость ускользает, оставляя по себе что-то нежное и отринутое.

– Как же вы справляетесь?

– Да как-то так, – отвечает Хелен. – Много воды утекло. В августе будет... Бог свидетель... пять лет.

– Я даже не...

– Джулия. – Хелен смотрит на нее с улыбкой. – Все нормально. Проехали. А твой?

– Мой?..

– Благоверный.

– А, поняла.

Тот повод, по которому она стоит здесь и ведет этот уму непостижимый разговор, вместо того чтобы уже быть дома, среди безопасных и скучных миазмов подготовки к приему гостей, где, собственно, и находится отведенное ей место во Вселенной. Ну, как прикажете ей отчитываться за Марка... за Марка, чья жизнь едва не рухнула вследствие ее знакомства с Хелен Руссо, за Марка, который, слава богу, не умер за истекшие восемнадцать лет?

– Он... ну, как сказать. Вообще-то... У него нынче день рождения, поэтому я... здесь. – Без всякой необходимости она приподнимает корзину.

– Понятно, – после едва заметной паузы произносит Хелен. – Юбилейный кочан.

Джулия смеется – и тоже после паузы. Хелен изучает ее сызнава, и выражение лица у нее меняется на другое, но столь же непроницаемое.

– Не смею задерживать. Хотя и очень рада повидаться. Выглядишь вполне счастливой.

– Неужели? – Ей совсем не хочется уточнять.

Хелен улыбается:

– Поверь.

Сейчас самый подходящий момент сообщить Хелен, что она тоже выглядит счастливой; а кроме того, сейчас у каждой есть вполне подходящая возможность через силу выдавить реплику насчет «встретиться» или «наверстать упущенное».

– Удачных покупок, – невпопад желает Джулия, указывая на корзину Хелен, в которой лежат – она только теперь замечает эту несколько комичную скудость – четыре лайма и пакетик орехов.

– Угу, – отвечает Хелен. Она касается локтя Джулии, и та радуется, что мурашки прикрыты длинным рукавом. – И тебе того же.

Она не помнит, как отбирала продукты и выкладывала их на кассовую ленту, стоя в очереди на экспресс-обслуживание.

– Многоцветные пакеты не забыли? – с укоризной вопрошает кассир.

– В глубине души помнила, – отвечает она, но кассир не смеется.

* * *

Пока она не села в машину, ей так и не удалось полностью выдохнуть. Крабовое мясо и этот кочан (почему-то он внушал ей жалость: рука не поднялась вернуть его в пирамиду) весело едут рядом с ней на пассажирском сиденье. Все самые критичные моменты ее отношений с Хелен уложились в считанные месяцы, которые мозг Джулии сейчас аккуратно сжимает

до одной минуты: от плача в машине и томной выпивки на террасе у Хелен вплоть до последней встречи в библиотеке – все это спрессовалось до шестидесяти секунд. У нее начинается головокружение; открыв автомобильный люк, она делает глубокий вдох.

По дороге сюда она из чувства долга, можно сказать, вполуха слушала общественный радиоканал, но теперь, выехав с парковки, переключается на один из плейлистов своей дочери. Классический рок снова в тренде, поэтому каждая вторая композиция ей знакома: Дэвид Боуи и «роллинги» перемежаются с группами, которые носят названия, больше подходящие для романов: «Увидишь наши улыбчивые лица в девятичасовом поезде», или «Разберись с расистом-дедом», или «На свалку – чуть правее»; названия она вечно коверкает, чем бесит дочь. В современную музыку, которую предпочитает Альма, она, по собственному признанию, не очень «въезжает», но в постоянных, отчаянных попытках завоевать дочернюю любовь приучает себя быть в курсе, а потому дополнительно прибавляет звук и опускает стекло дверцы, чтобы не задохнуться.

Когда-то она причисляла себя к знатокам, в некотором роде крутым; они с Марком чуть ли не каждые выходные ходили на концерты, и она могла перечислить всю дискографию *Pavement* – хоть по хронологии, хоть в порядке личных предпочтений – и Бена приучила к тому же, набив ему оскомину, когда по дороге в детский сад или во время их ежедневных безумных разъездов по городу врубала на полную мощность свои компакт-диски; а это, в свою очередь, возвращает ее к сегодняшней встрече с Хелен, чье призрачное касание, а до этого – ее собственная немыслимая решимость просто подойти и заговорить, но еще и воспоминания о себе, прежней, в оранжерее суккулентов ботанического сада, где Хелен кожей почувствовала отчаяние пустоглазой, неприспособленной к жизни молодой матери в футболке *The Jesus and Mary Chain* и выдернула ее из толпы.

Плейлист переключается на «Smells Like Teen Spirit»¹, и она вновь прибавляет звук; водитель, остановившийся рядом с ней на светофоре, откровенно уничтожает ее взглядом, но она лишь делает еще громче и выезжает на Эйзенхауэр-драйв, радуясь предлогу нажать на газ.

* * *

Когда она возвращается домой, Марка нигде не видно, и это очень кстати, потому что за порогом кухни на нее нападает странная, внезапная дрожь, а мельтешение в глазах заставляет ее резко опуститься на табурет у кухонного острова. Она чувствует на своих голенях миниатюрные коготки Сюзанны, которая поднялась на задние лапы, чтобы определить, в чем дело: ее возмущает отсутствие привычной помпы по случаю возвращения Джулии. На Сюзанну каждое появление хозяйки – не важно, после пяти минут или пяти часов разлуки, – действует как тотализатор: в собачьих глазах появляется азартный блеск, туловище дрожит от возбуждения. Сюзанна одержима Джулией так, как не была одержима ею ни одна живая душа, включая родных детей. Такое обожание лестно (хотя порой назойливо).

– Все в порядке, маленькая леди, – говорит она собаке. – Мне просто чутко нездоровится.

– Это близко не стояло к тому, что произошло, ну да ладно, – говорит кому-то Альма, входя в кухню. – Мама?

Открыв глаза, она поднимает голову. Зрение проясняется: ее дочь – великолепная и ужасающая амазонка с непослушными темными волосами и пронизательными зелеными глазами. Прижимает к груди пустую чашу от миксера; в каждой руке – по смятой банке из-под газировки «Лакруа».

– Привет, Алли.

Собака скулит; Джулия наклоняется и берет ее на колени.

¹ «Веет „Подростковым духом“» (англ.).

– Не плачь, – говорит она Сюзанне в холку.

– Напрасно ты управляешь ее эмоциями, – делает ей замечание Альма, но тут же, нахмурившись, спрашивает: – У тебя ничего не случилось?

Нехарактерное для Альмы проявление дочерней заботы, и Джулия на миг сокрушается, что у нее ничего не случилось: ведь иначе можно было бы обратиться к дочери с какой-нибудь необременительной просьбой – вытащить занозу, вправить плечо или сделать что угодно другое, требующее непосредственного телесного контакта с этой особой, которую она родила и теперь собирается просить о помощи, коль скоро та, самовлюбленная львица, сама напросилась (о редкость!).

А так – ловко обойти острые углы не получается. Намекнуть на что-нибудь физиологическое – того и гляди посеешь опасения (дочь не в восторге от постоянного живого присутствия родителей, но и смерти им не желает); сказать ей правду – что она собиралась с духом для встречи с мужем после встречи с женщиной, которая чуть было не разрушила их брак, – об этом, естественно, даже речи быть не может.

– Нет, все нормально, – отвечает она, и Сюзанна, изогнувшись, слетает с хозяйских колен: у собаки, равно как и у кошки, равно как и у дочери, есть установленный набор ограничений: каждая требует постоянного внимания, но на очень жестких условиях. – Все хорошо, все хорошо, все хорошо.

Она распрямляется, встает с табурета и вновь начинает двигаться; на кухне никогда не получается сидеть без дела, особенно если у Альмы были гости: нужно либо промокнуть лужицы, либо вытереть посуду, либо выбросить объедки – пару яблочных огрызков, лиловые корки дорогого козьего сыра, выдержанного в вине: сами они в мусорное ведро не запрыгнут.

К счастью, Альма принимает это без возражений и с безграничной подростковой уверенностью в том, что в фокусе внимания опять по праву окажется ее персона, и ничто иное.

– Мне звонили из стоматологии – отменили прием, – сообщает она. – У доктора Галлахера кто-то умер.

– Ох, как это...

– ...что, вообще-то, хорошо, поскольку на этой неделе у нас в библиотеке планируется семинар европейского бюро «Ассошиэйтед пресс»... в смысле, хорошо то, что прием отменили, а не то, что некто умер... так вот, я хотела спросить: можно мне будет взять машину, чтобы тебе не приходилось каждый вечер заезжать за мной на ночь глядя?

В детстве Альма была жутко приставучей, но теперь, в свои семнадцать лет, она в большинстве случаев независима и совершенно непроницаема: вредная красотка с потрясающими способностями к математике, у нее с друзьями есть недоступные посторонним шутки на предмет Гэри Шендлинга и тостов с авокадо; она рисует на ногтях микроскопические вишенки и увлекается чрезвычайно сложной выпечкой, заполняя домашний холодильник продолговатыми бейглами и шестислойными тортами.

– Спрашиваю заранее, потому что в прошлый раз ты сказала, что я тяну до последнего, – говорит она.

Недавно, после почти двухлетнего задумчивого молчания, дочка вновь начала вести разговоры с Джулией и Марком, и теперь ее практически невозможно остановить. За ужином она с придыханием рассказывает непонятные истории, подробно излагает эпизоды из середины каких-то телесериалов, которые они никогда не смотрят, пространно и убедительно отстаивает все, что задумала сделать или получить в подарок. Разговор с нею – это механический акт, требующий умения постоянно переключать передачи, давать задний ход, следить за бессмысленными построениями или катапультироваться из реального мира в вымышленный, не останавливаясь на дозаправку. Ничто на свете не сможет помешать ей в следующем месяце поступить сразу в несколько из семнадцати эксклюзивных и жутко дорогих колледжей, в которые она подала документы, а поскольку Джулия хочет, чтобы оставшееся до отъезда дочери время

прошло без психологических травм, она реагирует на Альму, как на спящую малютку: ходит вокруг нее на цыпочках, чтобы не потревожить. Расстановка сил у них в семье мало отличается от многолетнего кризиса с захватом заложников.

– Там видно будет, – говорит она, а потом, прежде чем Альма успевает возразить: – У тебя гости?

Из гостиной до ее слуха доносятся как минимум два голоса, в одном из которых безошибочно узнается Марго Сингх.

Альма бросает жестянки в бачок для утилизируемых отходов.

– Н-да.

Ее дочь отказалась делиться какими бы то ни было насущными сведениями о Марго, и в частности о том, какие узы их связывают; все попытки Джулии выведать подробности таких отношений встречаются насмешками и молчаливым утверждением, что материнские понятия об отношениях давно закоснели.

– Нет, она не моя девушка, – заявила недавно Альма. – Но при этом нельзя утверждать, что она... совсем не моя девушка. Это уже давно так не называется, мама.

На сей раз Джулия воздержалась от вопроса: «Что именно так не называется?» В последнее время Личная Жизнь Альмы – на фоне крайне изменчивых приоритетов в плане Успешности Альмы, Крепнущих Политических Взглядов Альмы и Мельчайших Повседневных Желаний Альмы – стала популярной темой. К тому же Джулия неплохо относится к Марго; допустим, ей бы хотелось, чтобы девушка двигалась более твердой походкой, а не появлялась из тьмы скорбными шажками, как плакальщица, но, похоже, у той есть голова на плечах, и, похоже, Альме с нею комфортно.

– Ладно, – говорит она. – А папа где? А твой брат уже дома?

Альма слегка хмыкает, будто говоря: «Да кто их знает?» Она ставит чашу в раковину, потом, вероятно, чувствует на себе взгляд Джулии и тянется за щеткой для мытья посуды.

– Что будешь готовить?

– Всего понемногу, – рассеянно отвечает ей мать, открывая один кухонный шкаф, затем другой, доставая нужные, по ее мнению, предметы и раскладывая их на столешнице кухонного острова. – Мои фирменные открытые пирожки. Огуречный салат. Крабовые котлетки.

Она подготавливает необходимую утварь, сельдерей, панировочные сухари; на самом деле до сегодняшнего дневного происшествия она с нетерпением ждала, когда сможет заняться готовкой, достаточно трудоемкой, чтобы произвести впечатление на гостей, но не настолько, чтобы исключить одновременное выполнение девятнадцати других дел. Ждать помощи от детей, как она знает, бесполезно.

С видом оскорбленной добродетели Альма разворачивается к ней лицом.

– Боже, мама, ты серьезно?

Она ведет себя так, будто в нее только что стреляли, и Джулия затравленно озирается по сторонам в поисках своего очередного прегрешения, но все выглядит по-прежнему, только с боков чаши, которая сейчас в руках дочери, на пол капает мыльная вода.

– Что такое? – в тревоге переспрашивает она.

– Я же тебе говорила, что отказалась от морепродуктов, – чеканит Альма. – Говорила месяц назад.

Джулия прокручивает это в голове. Ей хочется, нестерпимо хочется (как нередко бывает в общении с дочерью) просто испариться, чтобы не продолжать этот разговор. К тому же ее сковывает груз невероятной усталости; материнство по большей части вызывает у нее именно такое ощущение: что от нее не просто ждут, но требуют выполнить на одну обязанность больше.

– Ты на это забила?

– Забила – это сильно сказано, – говорит она, доставая из дверцы холодильника пучок кинзы.

На самом деле все она помнит; просто у нее теплилась надежда, что разговор о «поэтапном веганстве», как выразилась в тот раз Альма, будет – по примеру многих других разговоров с подростками – замят в ближайшие дни и сменится чем-нибудь неимоверно, необъяснимо срочным.

Джулия медленно, глубоко вдыхает через нос и чувствует, как воздух расширяется у входа в гортань. Перед рождением Бена она без особого рвения посещала занятия по дородовой йоге, не подозревая, что дыхательные упражнения помогут ей не столько во время родов, сколько два десятилетия спустя – удержат от насилия над дочерью-подростком.

– Зачем ты так пыхтишь?

– Да просто... чтобы получить немного кислорода, – объясняет Джулия. – Для мозга.

– Ты обещала подумать о том, чтобы мы всей семьей отказались от продуктов животного происхождения, – выговаривает ей Альма с такой размеренной аффектацией, что у Джулии чешутся руки столкнуть ее в колодез.

– Дорогая, если ты не хочешь употреблять их в пищу, то и не надо. Есть масса вариантов замены.

– Ты надо мной издеваешься? – спрашивает Альма и указывает на руки Джулии, в которых та без всякой задней мысли держит – словно волейбольный мяч или отрубленную голову – свой отвлекающий кочан: получается весьма кстати.

Ее душит смех, но она с ним борется и чувствует, как на глаза наворачиваются слезы.

– Зачем такая гримаса? – спрашивает Альма.

Приход Марка – милосердное вторжение. Весь потный, он вернулся с пробежки: в шортах из лайкры и с пристегнутой к поясу складной фляжкой, похожей, как она недавно заметила, на калоприемник. Муж наклоняется, чтобы приласкать Сюзанну, будто после десятилетней разлуки; с момента появления у них в семье Сюзанны все они перенастроились таким образом, хотя есть мнение, что Джулия перенастроилась больше других.

– Что это за браслет? – вопрошает Альма. – Ну и видок у тебя сегодня...

Отец поднимает запястье, охваченное литым пластмассовым обручем пурпурного цвета – прототипом шагомера, который они тестируют на работе: Джулия уже несколько месяцев не может о нем слышать без содрогания.

– Те, что есть в продаже, заведомо неточны, – сообщает он.

– Возможно, – говорит Альма, – зато выглядят куда приличнее.

– Суровая у нас тут публика, – говорит Марк, обнимая дочку; та что-то мяучит в знак протеста, но не вырывается и даже опускает голову ему на плечо, даром что потное.

Сама Джулия давно не бывала в таком близком физическом контакте с Альмой; та лучится мощной, сияющей энергией, отталкивающей ее мать, но не отца, которого она любит гораздо больше.

Под неприязненным взглядом дочери Марк подходит к Джулии, чтобы ее поцеловать. Их семейные часы всегда висят с перекосом, привязанности направлены неведомо куда, а обиды преувеличены. Но лучше уж так, думает Джулия, – бог свидетель, так определенно лучше, чем полное отсутствие всего перечисленного.

– Это у нас сегодня на ужин?

Марк взвешивает на ладони кочан, как хрустальный шар, и Альма с чудовищным вздохом удаляется из кухни. Родители слушают приглушенный носками стук шагов, направляющихся в ее берлогу.

– Импровизация, – говорит Джулия. – Тебе ко дню рождения.

Марк кладет руки ей на плечи.

– Что готовишь?

– Продукты животного происхождения.

– Тебе помочь?

– Нет-нет. – Она подпускает оживления в голос и поворачивается лицом к мужу. – Пусть будет от меня сюрприз.

– Плюс все это. – Он обводит жестом разложенную на столешнице утварь, расстрельную команду бутылок «мальбека» вдоль раковины, купленные продукты.

Она гадает, заметил ли кто-нибудь в магазине, как нахально она в своих клоунских штанах подкатила к Хелен Руссо. Марк положил руку ей на затылок и нежно помассировал. Должно быть, существует какое-то супружеское шестое чувство, которое побуждает одну из сторон, без вины виноватую, проявлять избыточное достоинство, фактически усугубляя тем самым вину лиходея. От этого Джулия начинает нервничать.

– Ступай в душ, – командует она и подгоняет мужа кухонным полотенцем. – Приведи себя в порядок.

Глядя ему вслед, она проводит рукой по волосам и пытается направить энергию, которая бурлила в ней час назад, еще до Хелен, на выполнение насущных задач. Прежде всего, тонко нашинковать капусту. Подчас она ловит себя на таком оформлении своих мыслей: «Забыла расплатиться с газонокосильщиком»; «Собачий корм для Сюзанны доставят в среду» – и поражается собственной несуразности.

«Для всех нас жизнь – борьба», – порой скандирует она, чтобы рассмешить Марка, наблюдающего, как их сосед, придурковатый биржевой спекулянт, орет на своего подрядчика, или как белка, зависшая вверх тормашками, ворует семечки из их птичьей кормушки, но на самом деле они с ним похожи; ей уже привычно обитать в своей собственной смехотворной текучке.

Нашинковать капусту, плевое дело; поразительно, какой невероятно прекрасной вдруг сделалась ее жизнь.

2

В те туманные, ватные дни, которые предшествовали встрече с Хелен Руссо, нескончаемо долгие, парализующе однообразные и оттого неразличимые, все обстояло далеко не так прекрасно, как теперь. Двадцать лет назад; один дом назад. Они переехали из большого города в средней руки район элитного пригорода и записали Бена в «Светлые улыбки»: такое название, думалось ей, украсило бы стриптиз-шоу для невзыскательной публики или реабилитационную клинику для избранных, но на деле относилось к одному из самых престижных дошкольных учреждений во всей округе. К досаде Марка, у Джулии не поворачивался язык произносить название этого населенного пункта: она дала ему прозвище Шишка-Городишко. В обиходе он звался просто Пригородом и, как Мекка, притягивал к себе лиц зрелого возраста, преуспевших на поприщах с непонятными названиями, и их разочарованных, оставшихся не у дел вторых половинок, своими дубовыми рожицами, достатком и тщательно замаскированным отчаянием. Все это растянулось на многие мили: таблички с названиями улиц, образцово уложенная брусчатка, универсалы и внедорожники, акры густых, идеально подстриженных зеленых насаждений, в меру вежливые объявления на газонах, ненавязчивые признаки верности определенным торговым домам, столь же ненавязчивые признаки умеренных политических взглядов, памятные барельефы, не хранящие никакой памяти; между прочим, здесь даже не разрешалось нормально водить машину; Джулия нередко оказывалась на улицах с ограничением скорости до пятнадцати миль в час, как в стародавние времена. Всем горожанам хотелось думать, что их Пригород – самый лучший пригород, но на проверку все пригороды оказывались похожи как две капли воды и различались только незначительными деталями, такими как близость к озеру, или степень расплывчатого «многообразия», или «историческая значимость», но это все фикция. Их семья поселилась на улице Супериор-стрит, но через пару месяцев это название уже не поднимало ей настроения, как и почти все остальное.

Что же произошло? Кто его знает. То ли мир начал рушиться, то ли они с Марком разучились общаться, а может, у нее просто упала температура – до прежнего комфортного градуса. С большим городом они распрощались примерно в ту пору, когда Бен начал ходить, а теперь он стал не в меру шустрым, хотя это не добавляло ему изящества в движениях, и, что совсем удивительно, болтал на родном английском и даже немного на испанском, которому их обучали по средам в «Светлых улыбках»; Джулия, напротив, чувствовала, что застыла в неподвижности, словно мумия. У нее расстроился сон; ее внутренний монолог сделался кофеиново-нервным, как лишенный знаков препинания словесный поток идиота, и она – в редких случаях общения со взрослыми – подозревала, что ее внешний монолог обнаруживает ту же манию.

Она стала замечать, что в отсутствие каких-либо событий – будь то заурядных, вроде пробуждения Бена после тихого часа, или, изредка, неправдоподобно ужасающих, как, например, столкновение астероида с Землей, – она лишается ориентиров: бродит, как неприкаянная, впадает в задумчивость и вглядывается в даль, словно бесправная нянюшка Викторианской эпохи.

В кухню неслышно вошел Марк.

– Ты жива?

Как будто она запуталась в клубке колючей проволоки. В последнее время это был его любимый вопрос, который всегда задавался мягким, вкрадчивым тоном.

Она выпрямилась.

– Мне показалось, измельчитель засорился.

Марка слегка передернуло. Он питал нутряное отвращение к любым неназванным продуктам питания, которые пахивали гнильцой, обладали зернистой консистенцией или просто были ему незнакомы. Направляясь мимо нее к кофейнику, он слегка погладил ее по плечу,

но не стал задавать никаких дополнительных вопросов по поводу измельчителя и, возможно, мрачной тайны этого устройства.

– Скорей бы пятница, – сказал он, не осознавая, видимо, ни инфантильности, ни банальности этого заявления, и принялся размешивать сахар в чашке кофе. – Я проснулся совершенно разбитым. Тебе не кажется, что это дурной знак?

В тех редких случаях, когда Джулии удавалось поспать, она то и дело просыпалась, заранее предчувствуя неминуемое и задним числом ужасаясь свершившемуся, но, поскольку Марк носил галстук и имел степень магистра, а проблемы Джулии часто сводились к уборке конструктора «Lego Duplo» и принудительному пичканью домашних морковью, мужу дозволялось более громогласно сетовать по поводу своих дел; видимо, так устроен мир. Она уже давно – ни от скуки, ни из ревности – не пыталась даже представить, как проходят его дни.

Какой же скучной сделалась их жизнь: разгон от нуля до банальностей – ровно за десять секунд; несомненно, это позволяло им претендовать на какую-нибудь скромную олимпийскую победу. «Помнишь наш медовый месяц в Греции, – не стала говорить она. – Помнишь, как мы стоя занимались сексом в переулке на Корфу, а на нас глазела крыса; помнишь, как мы занимались сексом в туалете магазина садово-огородных товаров „Фрэнкс“; помнишь, как мы занимались сексом в каком-то...»

– Джулис?

– Мм. – Она моргнула, и ее вновь обдало его хмурым беспокойством. – Да, определенно дурной знак.

Хмурая морщина углубилась; вероятно, Джулия пропустила мимо ушей какую-то промежуточную реплику.

– Я спросил, что ты сегодня делала, – сказал он.

– Все, что делаю каждый день, – ответила она. – Вот же, право, чудеса.

Он оглянулся через плечо.

– На днях я подстригал газон и столкнулся с Эрикой; она упомянула, что хотела бы познакомиться своего сына с Беном. Может, позвонишь ей?

– Что еще за Эрика?

– Живет в паре кварталов от нас – та, что по утрам бегают и катит за собой тележку с карапузом...

Джулия поморщилась:

– У нее еще лицо такое?..

– Джулия, прекрати.

Она посмотрела на него в упор – на этого человека, который вечно сглаживает все углы. Для собственных проблем у него, как правило, находились менее сложные решения, чем для ее заморочек, и так всегда. Одиночество, как ей уже казалось, переросло у нее в хронический недуг.

– И как мне с ней общаться? – спросила она.

– Ну, не знаю, – протянул он, стоя к ней спиной и роясь в холодильнике. – Как у мамашек заведено.

В ней мгновенно вспыхнула ярость.

– Что значит «у мамашек заведено»?

– Я просто хочу сказать... вы могли бы пойти прогуляться. Или, допустим, вступить в книжный клуб?

– Ах да, *прогулки*. Как в романах, материнская традиция.

– Ты прекрасно понимаешь, о чем...

– Лучше, я считаю, смерть, чем книжный клуб.

Поносить пригороды стало уже общим местом, она это понимала. Антропология собственной жизни представлялась ей в виде слоистых сланцев, зазубренных и ломких, кроша-

щихся, но главное – неразлично безликих. Она жила в иных пределах. Потом не жила в иных пределах. Вообще говоря, невелика разница: со временем любые пределы, повсюду, становились иными. Быть такой личностью – банальщина; об этом скучно даже подумать, печалиться на пустом месте, досадовать на самую легкую в мире жизнь. И все же она ничего не могла с собой поделать.

– Ладно, Джулия, забудь мои...

– Я просто не понимаю, что ты имеешь в виду, говоря «заведено у мамашек». Это все равно что сказать: «Ну, понимаешь, так заведено у мерзлячек». «Так заведено у праворуких». Можно подумать, мама – это особый биологический вид.

– Все ты понимаешь, Джулс. Неплохо, когда есть... какой-никакой круг общения.

– У меня есть ты, – указала она, и он смягчился.

– Конечно, – подтвердил он, а затем подошел к ней, обнял и прижался своей крепкой грудью к ее щеке.

Вообще-то, она ждала сегодняшнего дня, среды, когда можно отправить Бена в «Светлые улыбки» и – теоретически – выкроить спокойный день для себя; не выпуская изо рта сигареты, поехать на машине в Форест-Глен, побродить по лесу и растянуться, как на жертвеннике, на большом теплом валуне, где хотя бы некоторое время никто не будет на тебя *глазеть*. Но сейчас ей было паршиво: паршиво оттого, что она спит и видит, как бы сплавить ребенка, паршиво оттого, что у нее не получается рационально планировать время, духовно расти и заводить знакомства, сообразные возрасту.

– Как себя чувствуешь? – спросил Марк, отстраняясь, чтобы ее рассмотреть. – У тебя усталый вид.

И хотя это была чистая правда, хотя она проснулась в десять минут четвертого, хотя даже после четвертой чашки бесполезного кофе будет дергаться до заката и все равно вконец вымотается, ее слегка уязвили его слова.

– Если бы ты так лихо обхаживал меня на ранних стадиях, я бы, может, за тебя и не вышла, – сказала она, но забыла придать голосу легкости; в тот миг, когда эти слова слетели у нее с языка, она услышала, как они прозвучали.

Услышал это и Марк; его лицо – это родное лицо! – заметно вытянулось. Ей захотелось дать ему тычка.

– Ой, – вырвалось у него.

– Упс, – вырвалось у нее.

Он ничем не провинился, это точно.

Теперь настал ее черед мягко прикоснуться к нему, едва-едва, словно он обмазан чем-то липким.

– Прости, – сказала она в один голос с его словами «Я люблю тебя», и они будто бы соприкоснулись щеками на прощание: она слушала, как отворяется и захлопывается входная дверь – он уходил на работу.

Бальзамом на душу стало, как всегда, появление Бена – тот солнечным лучиком возник на пороге кухни: на щеке отпечатались складки наволочки, большие глаза моргали, разгоняя сон, ручонка сжимала мягкого игрушечного жирафа. Она почувствовала, как у нее распахнулось сердце, лицо осветилось улыбкой, а радость, которой вечно не хватало, устремилась к нему одному.

– А вот и мой дружок, – сказала она, и его личико тоже распахнулось, и она подхватила сына на руки, целуя попеременно то его, то жирафа, желая им доброго утра и вдыхая запах детства – само солнце.

«О боже, о боже, моему лучшему другу три года», – порой думалось ей. Недавно она попыталась объяснить это Марку, когда тот, выбирая по возможности доброжелательные выражения, отметил, что ей, вероятно, не помешало бы найти себе друзей из числа ровесников.

Конечно, она знала, что Бен ей не друг, а *ребенок*, но почему-то не могла этого полностью усвоить, пока ей не указал на это Марк, и последовавшее одиночество – один слой одиночества поверх другого, оскудение какого-то пространства, и без того скудно населенного, – оказалось поразительно острым; в последнее время было так легко пнуть ее, лежащую, даже непреднамеренно (а Марк, милейший из людей, никогда не делал этого намеренно), потому что она всегда оказывалась поверженной: ее даже не пинали – о нее просто спотыкались, как о фиксированную дату... или о гнилушку... чтобы выпустить пар.

– Ты грустишь? – спросил Бен, чем ее удивил, и она подавила плач, хотя, конечно, сын привык к виду ее слез.

– Нет, что ты, – сказала она ему в макушку. – Мама очень счастлива.

Она чувствовала губами прядки его волос. Иногда у нее возникало яростное, инстинктивное желание его съесть.

– Сынок, родной мой, ты – мамино счастье, такое счастье.

* * *

Потом они ехали на машине в «Светлые улыбки», и Бен пересказывал ей свой сон про то, как некое существо, которое он называл «один Нокий Бигль», играло на детской площадке; герои снов Бена редко поддавались чему-либо, кроме течения времени: они лишь весело перемещались из одного места в другое. По большей части сны Бена оказывались именно такими: в высшей степени образными, нестрашными, в них все просто кружилось, а время шло.

– У нашего сына волк волка никогда не съест, – как-то раз в шутку сказала она Марку.

– А у мамы? – вклинился Бен. – Мы хотели волка приласкать, но не приласкали.

– Действительно, не приласкали! – согласилась она; ее притворная жизнерадостность граничила с манией.

Разговор прошел мимо нее. Сама она загадывала не далее чем на десять минут вперед, когда можно будет вырулить на скоростную магистраль и *Replacements* так грянут в ее дорогой аудиосистеме, что задрожит руль, хотя она знала, что ей будет не хватать присутствия Бена на заднем сиденье. Родительство требовало постоянного насилия над собой, нахождения вместе и врозь одновременно. Иногда ей снилась насильственная смерть: вот ее «субару» раздавлен полуприцепом; вот купание в озере Мичиган заканчивается медленным скольжением вниз, и ноги ее опускаются на холодное илистое дно в самой глубокой точке. И, припоминая это, она успокаивалась, поскольку ничто не вечно под луной и даже однообразные тиски ее существования могут быть разрушены вмешательством природы или обстоятельств.

Остановившись на светофоре, она поняла, что плачет. И пугали ее не столько сами слезы – в последнее время глаза у нее оказывались на мокром месте не реже, чем оставались сухими, – сколько то обстоятельство, что сама она этого даже не замечала, продолжала заниматься привычными делами, а рутинная печаль просто стремилась наружу, едва уловимая, как дыхание.

– Ты же не грустишь? – уточнил Бен.

Дети поражали ее своей ошеломительной смесью остроумия и наивности.

– Мама в полном порядке, милый, – ответила она, прикрывшись извечным родительским заслоном третьего лица.

У нее никогда не находилось должного набора инструментов, но раньше это не имело значения, а теперь требовались другие.

Одиночество материнства; смертельная скука повседневности. Вокруг нее было столько жизни, исходившей от этого наэлектризованного человечка, созданного ею на пару с ласковым, трудолюбивым мужем, более приспособленным, чем она, к обыденным превратностям жизни, но ее постоянно преследовала одна и та же мысль: вот бы побыть одной. Жизнь, ею созданная, жила сама по себе, а ей не давала покоя одна и та же мечта: вот бы Бена тут не было, вот бы он

очутился в другом месте, в каком-нибудь из тех немногих мест, куда не возбраняется отправлять своих детей: допустим, на детском празднике, где он, сидя на бревне рядом с чьей-нибудь матерью, кормил бы с ней вместе муравьишек и чтобы та, образцовая мать, ликовала, а не содрогалась от его восторженных криков. Сколько же требуется энергии (иногда она представляла свое нутро в виде медленно разряжающейся батарейки, кислотно-щелочного шипения, разъедающего все органы), сколько же требуется усилий, чтобы привести свой голос к тому регистру, который он бы узнал.

Джулия включила стереосистему: под мелодию «No Sleep Till Brooklyn»² она учила Бена ритмично трясти головой, но сейчас он, неподвижный и спокойный, только смотрел на нее в зеркало заднего вида. Ее сын не был типичным ребенком, таким пухленьким херувимом, каких она рисовала себе во время беременности: они вереницей являлись ей во сне – упитанные, жизнерадостные дети, сговорчивые пончики, маленькие шутники в ползунках, сеющие радость. Но Бен был крошечным и хрупким, настолько серьезным, что она частенько задумывалась, комфортно ли ему в этой жизни. Он отличался пронизательным, взрослым взглядом и медитативно-монашескими периодами молчания. От этого она нервничала, но сейчас заставляла себя сосредоточиться на дороге.

Когда она свернула в «карман» для высадки детей, дышать стало легче: оттуда до одиночества было совсем близко – рукой подать. Но стоило Меган, сотруднице «Светлых улыбок», распахнуть заднюю дверцу, чтобы извлечь Бена из автокресла, как тот заорал. Бен не был крикуном: покладистый и тихий, Бен в любых обстоятельствах тонко чувствовал, когда его матери требовалось побыть одной, и почти никогда не скандалил.

– Солнышко, – начала она.

Время, проведенное им в детском саду, пролетало для нее незаметно. Она могла отсутствовать совсем недолго, успевала лишь выкурить несколько сигарет. Подняв глаза на Меган, извиняющуюся молодую брюнетку в жилете фирмы «Патагония», она с усилием изобразила улыбку измученной матери.

– Солнышко, пора в садик.

– Нет, – отрезал Бен.

– Милый, позволь Меган отстегнуть ремень, чтобы ты мог пойти в группу, – тебе предстоит замечательный денек.

Трудно было поверить, что дети ведутся на такую чушь. В расписании на сегодня для группы Бена значились такие пункты, как «Боулинг (имитация с использованием туал. бум.)» и «На букву О: Охота за микробами»; на полдник планировался один органический хлебец «Грэхем». Вряд ли такое могло кого-нибудь воодушевить.

Тем не менее он всякий раз подчинялся. Всякий раз с готовностью целовал ее перед расставанием и возвращался к ней во второй половине дня, сонный и гордый, демонстрируя игровые рулоны туалетной бумаги и фигурки неведомых существ, изготовленных из ватных палочек.

– Нет, – сдержанно и веско повторил Бен, с жуткой точностью копируя Марка.

Джулия умоляюще посмотрела на Меган, которой в «Светлых улыбках» не приплачивали за то, чтобы ублажать бесцеремонных, состоятельных мамочек или, еще того хуже, искать подходы к самой нелюдимо из всех родительниц. Боже милостивый.

– Наверное, сегодня вам стоит проводить его без посторонней помощи, – пожала плечами Меган и, не дожидаясь ответа, захлопнула дверцу, чтобы перейти к следующей машине.

Джулия проехала полквартала до стоянки, припарковалась и повернулась лицом к Бену.

– Хочешь, мама сама проводит тебя в группу, бельчонок? – предложила она.

² «Не уснуть до Бруклина» (англ.).

Ее, кстати, озадачивало и то, что Бен раньше всегда попадался на эту удочку – фальшиво-оживленный тон и надуманный выбор ласкательных словечек. «Давай-ка искупаемся, а, леденец мой сладенький?» Она никогда не провожала сына в группу. И вообще любой ценой избегала приближаться к фасаду «Светлых улыбок». Обычно она, как форель, выскальзывала с парковки, борясь с потоком встречных автомобилей, чтобы забрать своего ребенка и при этом ни с кем – или почти ни с кем – не общаться. С тоской глядя на внушительное здание, она – мать-отшельница – убеждалась, что не вынесет неизбежного злорадства других родителей, когда потащит к дверям своего заревавшего, упирающегося сына. Когда чей-нибудь ребенок капризничал или закатывал истерику, это привлекало всеобщее внимание: на него таращились со всех сторон, но исподволь, со смесью превосходства и вуайеризма, как бывает в метро, когда у незнакомки случается припадок: «Слава богу, это не я», и тут же: «Ничего себе! Что, интересно, она еще выкинет?»

Из зеркала заднего вида ее сверлил непреклонным взглядом сын.

– Нет.

– Ну пожалуйста, Бенджи, – взмолилась она. – Маме нужно успеть в несколько мест.

«Маме сегодня нужно побыть одной, иначе она, не ровен час, совершит самосожжение».

– Нет, – повторил он, и Джулия опустила голову на руль, нагретый солнцем.

– Очень тебя прошу, – выговорила она. – Извини, Бен, милый, прости, пожалуйста, что я такая; мне просто нужно чуть-чуть побыть одной.

Она вновь расплакалась, а следом – и Бен; уж очень это было тревожно: плач донельзя опечаленной взрослой женщины, а не задержанного ребенка.

– Милый, – заговорила она. – Родной мой.

И это придало ей сил, чтобы с ловкостью кобылы-тяжеловоза дотянуться до заднего сиденья, отстегнуть ремень и пересадить сына к себе на колени. Он с плачем уткнулся ей в грудь, и по ее бирюзовой футболке стало расплываться большое темно-синее пятно. Она гладила мягкие черные волосы своего малыша, совсем еще крошки. И задыхалась от чувства вины, глубинной вины за то, что этот невероятно маленький человечек столь чутко улавливает ее настроение; он понимает не только английский и начатки испанского, но еще и все вершины и равнины переменчивых материнских эмоций; при его рождении она поклялась, что никогда не заставит его тревожиться за нее так, как сама всегда тревожилась за своих родителей, но вот ведь как: у нее не получилось.

– Прости меня, родной, – сказала Джулия, и он крепко обхватил ее ручонками. – О маме не тревожься, – продолжала она, хотя знала, что все не так просто, и смутно подозревала, что уже наделала бед, не справившись с главной своей задачей. – Никогда не волнуйся за маму.

– Можно с тобой? – спросил он, понемногу успокаиваясь и стряхивая слезы с длинных ресниц.

И она рассмеялась, и погладила плоский диск его маленькой, как серебряный доллар, коленки, спрятанной под мягкой тканью крошечных вельветовых брючин.

– Давай сегодня прогуляем, а, лосенок?

Он серьезно кивнул.

– Поехали куда-нибудь вместе, – предложила она, испытав облегчение, поскольку именно так и нужно поступать, несмотря ни на что, правда же? Ставить детей на первое место, а не пускаться во все тяжкие. – Отправимся на поиски приключений.

Они снова ехали вперед, медленно преодолевая «лежачих полицейских» и удаляясь от «Светлых улыбок». Как ей только могло прийти в голову отделаться от своего малыша, который сидел позади нее в своем кресле и размахивал крошечными ручонками в такт музыке? Им обоим нравились альбомы «Summerteeth», «London Calling»³ и все песни *Talking Heads*. Им

³ «Летние зубы», «Лондон вызывает» (англ.).

нравились «Debaser», «Beercan» и «Oh! You Pretty Things»⁴. Им нравился весь альбом «Slanted and Enchanted»⁵ с чередованием веселья и воплей. А у Бена просто срывало крышу при первых звуках «Blister in the Sun»⁶; он требовал крутить этот трек раз за разом: опять, мама, опять, опять, ха-ха-ха-ха.

Вырулив на шоссе 290, Джулия нажатием кнопки включила диск «Pleased to Meet Me»⁷ – еще одно их общее увлечение. При звуках «I Don't Know»⁸ она вновь поймала в зеркале его взгляд – теперь уже взгляд соучастника. Был утренний час пик; они пронеслись по Медицинскому району, нырнули в тоннель Конгресса, немного постояли в пробке на Джексон, а затем двинулись по Лейк-Шор-драйв, мимо легкой озерной дымки. Как ей только могло прийти в голову направиться сюда без него?

«Эй, ребята, вы тут?» – вступила она в нужный момент.

«Не пойму!» – пропел в ответ Бен.

И у нее возникло подспудное ощущение, будто она избавила их обоих от чего-то такого... не вполне ясно, от чего именно. Их глаза опять встретились в зеркале. Она знала, как близка к пропасти, но и помыслить не могла, что всего через час в ботаническом саду появится Хелен Руссо, чтобы вывести ее из этого состояния.

«Есть ли планы на жизнь?»

«Нет!»

⁴ «Разрушитель», «Пивная банка», «О прелестные создания» (англ.).

⁵ «Уклончивые и зачарованные» (англ.).

⁶ «Волдырь на солнце» (англ.).

⁷ «Приятно со мной познакомиться» (англ.).

⁸ «Не пойму» (англ.).

3

Под душем, перед началом празднования дня рождения Марка, она наслаждается тишиной. Скоро начнут собираться гости, которые будут из вежливости расхваливать все: крабовые котлетки, тигровые лилии, китчевые, но изящные, в виде пиратских сабель, шпажки для коктейльных оливок, и это само по себе, признаёт она, уже в некотором роде чудо.

В ту пору, считай, никто из их теперешних друзей ее не знал. Они с Марком сделали все возможное, чтобы начать жизнь заново после всего, что было связано с Хелен Руссо, оставив позади как можно больше материальных примет той жизни, которую они построили и которая, собственно, привела ее к Хелен Руссо: они переехали в другой дом, поменяли круг знакомств и детские учреждения. Она далеко не уверена, смогли бы новые знакомые, да и она сама, узнать ее, прежнюю, которая инертна, запугана, страдает бессонницей, семенит вокруг детской площадки, чтобы присматривать за Беном, избегая разговоров с родителями, пьет вино в одиночестве на ступеньках черного хода, дрыхнет в машине на парковке «Здорового питания». А ведь по меркам того времени это были еще цветочки; признать более серьезные проступки тех дней у нее нет сил.

Когда она прекратила общаться с Хелен, ее жизнь радикально изменилась, стала намного бледнее, печальнее, тягостнее. Но если кто-то и повинен в том, что они оказались на грани краха, то отнюдь не Хелен. Хелен лишь запустила некое движение, щелкнула несколькими важными шестеренками, чтобы они закрутились, но ответственность лежала на Джулии, которая неоднократно совершала грубейшие промахи, которая была всем обязана Марку и Бону, хотя делала вид, что это не так.

Ей не дает покоя то обличье, в котором она сегодня предстала перед Хелен: после едва ли не шести десятков лет жизни на этой планете, после относительной респектабельности, после двадцати лет, отпущенных ей на искупление собственных ошибок, она вдруг снова почувствовала себя виноватой.

Марку она ничего не сказала; естественно, она не открылась Марку, хотя сейчас должна признать, что испытывает желание хоть с кем-нибудь поделиться случившимся; примерно такое же ощущение преследовало ее в подростковом возрасте: она влюбилась в одного парнишку и невольно упоминала его имя где надо и где не надо, даже в самых пустых и неподходящих разговорах, просто чтобы лишний раз почувствовать его на языке и напомнить собеседнику, что жизнь этого парня, хотя и в мизерной степени, но соприкасается с ее жизнью. «Ага, Джонатан тоже любит апельсиновый сок». Но поделиться ей не с кем; считай, никого из тех, кто некогда присутствовал в ее жизни, нынче рядом нет.

Она выпускает пар из ванной, надевает черное платье из марлевки, а к нему – бирюзовые бусы, которые Марк привез ей в подарок из командировки в Сан-Франциско. Она сушит волосы и сквозь жужжанье фена слышит узнаваемый тенор Брейди Граймса, отчего тихо чертыхается, потому как у нее в запасе есть законные пять минут, но ей следовало сделать поправку на то, что Брейди и Франсин вечно заявляются раньше времени, беззастенчиво прикрываясь близкой дружбой с Марком и Джулией, а может, внаглую пользуясь своим статусом, который словно бы гласит: «Да пошли вы все – мы так богаты, что не обязаны втискиваться в ваши обывательские рамки».

Когда она судорожно подкрашивает ресницы, за спиной у нее возникает Бен и отражается в зеркале, подобно благожелательному убийце.

– Ой! – восклицает Джулия, оставляя под левым глазом пару тонких черных штрихов. – Тьфу ты. Привет, милый.

Оторвав от рулона клочок туалетной бумаги, она приподнимается на цыпочки, чтобы чмокнуть Бена в щеку, потом сминает бумагу в руке и деликатно сплевывает в этот комочек. Затем протирает им лицо и обращается к отражению в зеркале:

– Классная рубашка.

Ее дети унаследовали отцовский рост (семейка долговязых; сама-то она статью не вышла и растет только вниз!), а Бен к тому же перенял у Марка небрежное самообладание и стремится хранить достоинство, но у него пока не очень получается: этакий детеныш, еще не твердо стоящий на лапах. Она оборачивается, чтобы поправить ему галстук. Вблизи Бен выглядит изможденным: глаза впалые, легкая обрюзглость, нижняя челюсть еще не приобрела взрослую прямоугольную форму. Он – аспирант второго года обучения по специальности геофизика, работает в должности ассистента, и Джулия иногда пытается представить, как он владеет студенческой аудиторией.

– Когда ты в последний раз спал? – интересуется она, вновь обращаясь к зеркалу.

– Неужели я так плохо выгляжу?

Удивительно: он сидит с изможденной улыбкой на краю ванны, прислонившись к кафельной стене, и до того напоминает Марка, что она вынуждена свериться с собственным отражением.

– Неплохо, только слегка... осунулся.

– «Осунулся»? – Негромко присвистнув, он берет одну из ее баночек с отшелушивающим кремом и перекидывает из одной руки в другую.

Если вдуматься, странно, что он сейчас рядом с ней; Альма всегда была более зависимым ребенком, даже в пору своего подросткового затворничества, тогда как Бен рос достаточно самостоятельным. Он часто заглядывает к ним без приглашения, чтобы посмотреть баскетбол или пожить несколько дней в своей старой спальне, когда к его соседу по общежитию приезжает подруга, но задерживается он не часто и уж тем более не имеет привычки вот так уединяться с матерью в ванной. Отложив тушь, она принимается красить губы, как бы между прочим, но с осторожностью, и, как полагается в таком деликатном танце с теми, кто тобою рожден, спрашивает:

– У тебя все в порядке, птенчик?

Она так и не решила, как быть для него матерью (на самом деле вообще не решила, как быть, точка), пока он не станет – или хотя бы отчасти не станет – личностью, так что подобное общение, лишенное прочного фундамента, обычно разворачивается бессистемно, неуклюже и лишь с незначительной вероятностью успеха. В данном случае мешает еще и то, что внизу к голосу Брейди присоединяются другие голоса.

– Ну да, – говорит Бен.

Получается вяло и невнятно, с намеком на вопрос. Если Альма многословна и склонна к преувеличениям, то Бен никогда не торопится излагать свои мысли, будь то глубокие откровения о сущности бытия, экзистенциальные или бытовые предпочтения, позволяя им вытекать по капле, подобно патоке, осторожно и небрежно; она вспоминает множество утренних эпизодов его ранней юности, когда все опаздывали и спешили выскочить из дома, но застыли на пороге, как робкие жертвы спящего вулкана, ожидая, пока он решит, что ему желательно положить в ланч-бокс: апельсин или банан.

Она поджимает губы, чтобы разровнять помаду, и краем уха прислушивается к доносящимся снизу звукам: слышит, как Пари вежливо восторгается шпажками для коктейля, и выжидает.

– Ну, просто... как бы... – Бен мотает головой.

– «Как бы» что, милый? – спрашивает она и чувствует: выбрала неправильный тон.

Если поторапливать Бена, есть риск вывести его из равновесия и тем самым удвоить затраты времени на формулировку ответа.

– Милый мой, – начинает она сызнава, но ее перебивает пронзительный вопль Эрики, которая, видимо, уже напилась:

– Джулия, пытаюсь сделать за тебя твою работу, но мы никак не можем найти «кампари».

За то время, которое потребовалось ее подруге для формулировки этого призыва, лицо Бена вернулось к прежнему виду, ясноглазому и отзывчивому. Их беспроблемный ребенок, уступчивый, стойкий и вообще... ну не любит она бросаться такими словами, как «идеальный», но Бен близок к такому описанию, и если раньше ее беспокоило, что его стойкость вызвана необходимостью, приспособляемостью, компенсацией ее собственных материнских недостатков, то теперь, по прошествии длительного времени, это выглядит всего лишь частью его натуры.

– Не беспокойся, мам, – говорит Бен, и тут Марк окликает: «Джулс!», а она кричит через плечо: «Иду-иду!» – и за это время Бен вскакивает, вылетает из ванной, устремляется перед ней по коридору и вниз по лестнице, где все уже заждались.

* * *

За последние лет примерно пятнадцать она обнаружила, что не только способна быть образцовой хозяйкой, но и в большинстве случаев получает удовольствие, кружа по дому в развевающемся платье, как этакая балетная зверушка, наполняя бокалы и склоняя присутствующих к потреблению канапе. Сегодняшний список гостей – это реестр супружеских пар, составленный по неписаной математической формуле: одна половина в каждой паре зашибает деньги, а другая служит обществу или искусству. Пари трудится в частном инвестиционном фонде, тогда как ее муж, Алан, – врач-реаниматолог больницы «Шведский ковенант»; Тед – начальник инженерно-технического отдела «Моторолы», а Кэрол возглавляет факультет социальной работы в региональном частном колледже на юге штата; Тим и Эрика – оба государственных адвокаты, но она – наследница небольшого состояния в производственном секторе. А Джулия с Марком удобно вписываются в свою нишу: она – библиотекарь на полставки, а он сидит на щедром окладе в крутом офисе «Все на борт» в районе престижной Стейт-стрит. Это выверенный, достойный баланс между возможностями делать добро и сохранять лицо, точно подобранная нота между самодовольством и лицемерием. Обычно Джулия легко получает доступ к хранилищу симпатий этих людей, которые приходятся ей друзьями, но сегодня чувствует, что скисает раньше обычного.

– Могу ли я отсутствовать по уважительной причине? – с чопорным подобострастием диккенсовской гувернантки спрашивает Альма, возникая у материнского локтя. – Мне нужно позаниматься.

Альма уверенно, даже с вызовом смотрит в глаза Джулии, потому что сегодня субботный день, а она – без пяти минут абитуриентка, заканчивает последний школьный семестр.

– Конечно, – отвечает Джулия: Альму она побаивается. – И Сюзанну с собой возьми.

– Мне потребуется помощь Бена, – наудачу заявляет Альма. – По экологии.

Бен, стоящий позади сестры, смотрит на нее с надеждой: взрослый парень, которого Джулия ранее видела в зеркале, снова стал десятилетним и жаждет выйти поиграть. А поскольку дети, к ее радости, всегда заодно и не обижают друг дружку, она дает согласие и смотрит им вслед: они уходят, делая крюк через кухню, где Альма, скорее всего, приложится к шампанскому.

Кто-то, пытаясь, очевидно, довести всех присутствующих до членовредительства, врубил Джони Митчелл. Джулия подливает себе вина.

– Прошу меня простить, я на минутку, – говорит она, не обращая ни к кому в отдельности, и выскальзывает во двор.

На улице холодно, причем до такой степени, что вид кое-кого из гостей вызывает у нее удивление: силуэт Брейди Граймса, а затем и сам Брейди – апофеоз показного богатства, невыносимый адепт наручных часов «Патек Филипп» и вычурной стрижки, которую Альма называет «брателло». У него в руке бутылка вина, и пьет он, судя по всему, прямо из горлышка. До этого Джулия как-то не обратила внимания, что он пришел без жены и не потрудились объяснить, где сейчас Франсин.

– Не помешала? – спрашивает Джулия; он, сонно улыбаясь, с промедлением в несколько секунд поднимает на нее взгляд и задерживает его, как всегда, на миг дольше, чем требуется.

– Меня ждут кары? – спрашивает он и похлопывает рукой по сиденью кресла для двоих.

Они с Марком дружат с раннего детства, и все же сейчас Джулии немного не по себе, хотя их знакомству почти тридцать лет.

– Марк прислал тебя устроить мне выволочку? – спрашивает он.

– Вовсе нет.

– Разве в доме сейчас не требуется присутствие хозяйки?

– Да я тут буквально на минуту, – оправдывается она.

– Я тоже.

– Сдается мне, ты пьешь вино из горла.

– Забыл в доме свой скотч, – говорит он. – Но вспомнил, что здесь у тебя стоит кулер.

– Пользуйся. – Она закатывает глаза. – Будь как дома. Где сегодня Франсин?

По его лицу мгновенной бурей проносится мрачность.

– В отъезде, – говорит он. – Путешествует.

– «В отъезде»? «Путешествует»?

– Умотала в Филадельфию, – сообщает он, а потом, будто припомнив что-то еще, добавляет: – Родителей проведать.

И делает глоток из бутылки.

– Будем здоровы, – говорит он. – За Марка.

– За него, – подтверждает она, чокаясь бокалом с его бутылкой.

Брейди заводит вступительное «да-на-на» из песни «Битлз» про день рождения.

– Он тебе рассказывал, что вчера ко мне в контору приходила массажистка? Я решил, что персоналу не вредно будет расслабиться.

– Удивительно, как у вас такое позволяют, – говорит она.

Брейди досадно находчив и пугающе успешен, а также крайне привередлив, что свойственно только элите: на релаксацию отправляется в Рио, облетает на вертолете священные руины, устраивает корпоративы с живыми выступлениями *Poi Dog Pondering* и *Perpetual Groove*. Гоняет на спортивном «рейнджровере» с наклейкой «За свободный Тибет» на бампере.

– До чего приятно пропивать нашего парня.

Ее тревожит это «нашего». Брейди и Франсин – единственные люди в мире, которые почти так же хорошо, как она сама, знают Марка, причем оба любят его дольше. Но она следует за взглядом Брейди в дом, через дверной проем – в гостиную. Ее красавец-муж в рубашке с рисунком в тетрадную клетку стоит с видом увлеченного слушателя; по правде говоря, она счастлива возможности в очередной раз порадоваться, что он есть на свете.

– Это точно, – подтверждает она.

– Кто бы мог подумать, что мы доживем до этого дня, – говорит Брейди, и она начинает нервничать.

Брейди и Франсин были единственными из их друзей, кто находился рядом в ту пору... в пору Хелен; кстати, из-за Брейди с Франсин они как раз и переехали в тот район, где жила Хелен.

– В каком смысле? – укоризненно спрашивает она, но Брейди, который не замечает ее тона, всего лишь откидывается на спинку мини-дивана и вздыхает.

– Просто вспомнилось, какие мы были молодые.

Высказывание безобидное и вместе с тем банальное; направлено, как она понимает, не на нее, а в некое темное внутреннее пространство, независимо от того, какие будоражащие глубины скрываются за ухоженным фасадом Брейди, за его мокасинами ручной работы (после двухнедельного отдыха в «Четырех сезонах» в Бангалоре у него по сей день затянулся нелегкий период освоения восточных культур) и за тревожно-голубой льняной рубашкой с расстегнутым воротом.

– Говори за себя, – изрекает она.

– Прости, – говорит он, сипло пришепetyвая, чем еще больше выдает свое опьянение. – Ты-то выглядишь точно так же, как в день нашей первой встречи.

Она старается не показывать, что польщена.

– Ладно-ладно, Казанова.

– А мы, остальные, стареем, к слову сказать, с обалденной скоростью. Перед лицом бесконечного марша времени. Эра морального износа.

– Ты в студенчестве нахватался таких слов? Вводный курс по философии в университете... Каком именно? Где-то в Индиане; вылетело из головы...

«Как можно сразу распознать выпускника Нотр-Дама? – Шутка, некогда услышанная от Хелен. – Он сходу тебе сообщит».

Брейди, которого слегка качнуло в ее сторону, опять вздыхает.

– *Шестьдесят*, – произносит он. – Я следующий – в мае.

Он хмурится, на лоб падает прядка волос, и на миг весь он становится похож на трехлетнюю девчушку-капризулю.

– Похоже, у кого-то экзистенциальный кризис, – говорит она. – Не сочти за бессердечие. Просто я пережила свой лет в десять.

Он улыбается, запрокинув голову.

– Ах, Джулия, не сомневаюсь, что так оно и было.

* * *

Они проводили гостей, загрузили посудомоечную машину, распрощались с Беном и пожелали спокойной ночи Альме, а заодно и Сюзанне, которая крепко спит у Альмы под одеялом; только сейчас Джулия идет в их с Марком спальню. Он уже растянулся на кровати и закрыл глаза; порывшись в своем ящике комода, она достает два ярких шелковых шарфа.

– Эй, – окликает он, – о чем это вы с Брейди толковали на свежем воздухе?

– О том, какой ты замечательный.

– Я за него немного беспокоюсь.

– Ты меня обламываешь, – говорит она, присаживаясь к нему на край кровати и опуская руку ему на ногу. – А ведь я еще не вручила тебе подарок.

– Я думал, застолье – это и есть подарок. – Он с улыбкой открывает глаза. – А еще ты купила мне новые наушники.

Она бережно вкладывает шарфы ему в ладонь, держа его за руку. Они с ним многое оставили в прошлом. По крайней мере, саму Хелен Руссо вроде бы оттеснили на задний план ежедневные заботы, как то: воспитание детей, замена масла, повышенный холестерин, абсурдная политическая ситуация, трогательное взаимное признание телесного старения и вечной преданности. Но ей по-прежнему не по себе, и это желание вот таким образом поддерживать с ним контакт... нечто утверждать сызнова... действует ей на нервы.

– Что это? – спрашивает Марк.

Он изучает шарфы: один – с геометрическим узором, другой – с хаотично разбросанными цветными лошадаками.

Она тянет к нему запястья, внутренней стороной кверху.

– Просто для разнообразия.

Марк смотрит на нее в упор:

– Хочешь, чтобы я тебя связал?

Она убирает руки.

– Ну, раз ты сам предложил...

Он с сомнением поднимает один шарф и держит перед собой.

– Хм.

Она откидывается на свою подушку и только теперь немного смущается.

– Мне показалось, это может быть интересно.

Он задерживает на ней испытующий взгляд.

– Но если ты не готов...

– Я этого не говорил. – Он наклоняется и целует ее. – Давай. Конечно. Что нам стоит?

В следующий миг он уже стоит перед ней на коленях и с некоторым сомнением затягивает узлы.

– Что-то не пойму... Кажется... Слишком туго?

– Вовсе нет.

– Как-то это неправильно. – Ее руки уже зафиксированы. Обхватывая одно запястье большим и указательным пальцами, он поглаживает ей вены. – А вдруг Алли войдет?

– Это было бы для нее ударом на всю жизнь, – отвечает она. – Но я заперла дверь.

Она слегка приподнимает голову (как оказалось, угол наклона ее рук грозит надсадить ей спину) и целует мужа в грудь, а потом опускает подбородок, чтобы коснуться губами его лица. Он целует ее только один раз, – как видно, хочет легко отделаться, но она ловит зубами мужские губы, побуждая его лечь сверху.

– Черт, Джулис, больно же.

Он проводит рукой по губам, словно ища кровь.

– Неужели?

Плавнo опускаясь на нее бедрами, он разглядывает ее с каким-то мальчишеским увлечением, будто они прогульщики-школяры.

– Самую малость.

– Вот и хорошо.

Ей нравится это ощущение: она распласталась поперек кровати, словно неумело изображая распятие, но не может представить, как выглядит со стороны, а по ее бледной нагой плоти, слегка прикрытой супружеским гипоаллергенным одеялом средней теплоты, бегут мурашки.

– Не вполне понимаю, что мы должны делать, – признается Марк.

– Что всегда, – говорит она. – Давай... как ты привык. Как обычно. Только без рук.

– Как я *привык*?

Она закрывает глаза, делает вдох и выдох.

– Я знаю, ты меня уважаешь, – говорит она. – И доверяю тебе всем своим существом.

– Вот уж не думал, что тебя интересуют такие штуки.

– Ну, сам посуди. Когда я в последний раз тебя удивляла?

– Тебе не обязательно меня удивлять, – говорит он. – Мне с тобой и так хорошо.

– Мне с тобой тоже. – Она смотрит на него в упор. – Ты мне доверяешь?

Для него этот вопрос более не заряжен прежними скрытыми смыслами; а поскольку сегодня днем он не присутствовал в супермаркете (да хоть бы и присутствовал – все равно не узнал бы Хелен Руссо), улыбка дается ему легко.

– Конечно доверяю, – говорит он.

– Тогда давай. Вот прямо так.

– Ну хорошо, – отвечает он. – Ладно, только позволь... мне нужно чуток... не так сразу; я не привык... с наскока.

После очередного поцелуя он сжимает в ладони ее левую грудь и проводит большим пальцем по дуге правой брови. Когда он ложится сверху, вес его ощущается совсем иначе: как странно равномерный, без противовеса в виде верхней части ее тела.

– Ну вот видишь, – говорит она.

– Что за голос... прекрати пищать.

– Никто не пищал.

– Кроме тебя.

– У меня даже не... просто... ладно... хорошо... да... вот так. – Выдохнув, она понижает тон на пару октав. – Вот так.

– Моя супруга – Борис Карлофф.

Ее разбирает смех.

– Сделай, как я люблю, – просит она.

И он это делает – умело, используя только маневры ее ног и бедер, и в конце концов она кончает, да так мощно, что он вынужден наклониться и успокоить ее губами, тяжело дыша, со смехом продвигаясь вдоль ее пищевода и шепча:

– Ты не оставляешь нам никаких секретов.

– С днем рождения, – говорит она ему позже, когда оба уже засыпают, а шарфы, заново сложенные в аккуратные прямоугольники, отдыхают у нее на прикроватном столике.

– Спасибо тебе, – говорит он ей в волосы, и она, невинно прильнув к нему, выгибается креветкой.

Ей не хочется вспоминать о Натаниэле; с тех пор как все закончилось, она ни разу не размышляла о Натаниэле преднамеренно, однако порой он все же всплывает в памяти. Запах лаванды и пота от простыней в его доме, перестроенном из каретного сарая, и ощущение от его смеха у нее между ног. Вот и сейчас в голове у нее звучит его голос: «Джулия, Джулия, Джулия».

– Джулия, – шепчет Марк, и это слово согревает ей шею.

– Мм? – Она теснее прижимается к нему и чувствует сонливость в его конечностях.

По прошествии столь долгого срока ему уже нет нужды проговаривать это вслух – что он ее любит.

4

Хелен Руссо прежде подвизалась экскурсоводом-волонтером в ботаническом саду, носила задорный конский хвост и была столь умопомрачительно мила с Беном – объясняла ему разницу между видами кактусов, позволяла кормить из рук ранней зеленью игуану-носорога, – что Джулия даже прослезилась среди многолетних травянистых растений.

– Извините, – сказала она, перехватив взгляд Хелен. – Все в порядке.

– Позволю себе усомниться, – проговорила Хелен, извлекая из кармана шелковый шарфик с набивным рисунком, – в достоверности этого утверждения.

Она вытянула руку с шарфиком, и Джулия смутилась, но взяла его с тихим смешком, бездумно промокнула глаза и в тот же миг распознала на ощупь дороговизну ткани. Рука ее инстинктивно дернулась, будто только что размазала по лицу чернила. При ближайшем рассмотрении шарфик оказался изделием – очевидно, винтажным – от «Эрме», из яркого шелка цвета морской волны, испещренного племенными тотемами, на вид смутно непристойными.

– Что я наделала, – вырвалось у нее, но Хелен отмахнулась и только уточнила:

– Расспросы не возбужаются?

Джулия затруднилась с ответом. *Нет-нет, ничуть, спрашивайте сколько угодно; я просто коза драная.* Наверное, время от времени разумно было приоткрывать эту истину, вытаскивать ее на свет. Бен, забыв обо всем, сидел на корточках перед террариумом, прослеживая пальчиком медленный путь игуаны, но не касаясь при этом стекла, потому что в свои три года он каким-то образом нашел верный способ взаимодействия с миром; он автономно учился функционировать как положено человеку, хотя матерью его была Джулия, а ботанический сад оказался уже третьим местом, которое они тогда посетили в безумной веренице *перемещений*, вдоволь полазав по китовому фонтану в парке и навестив Капитана и Тенниллу, пару (вероятно, кровосмесительную) библиотечных хомячков, но при этом убили время только до половины одиннадцатого утра, и мысль о том, что впереди ждет еще целый день, буквально доводила Джулию до дурноты... но при всем том Бен проявлял любознательность и благородство, а она до того вымоталась, что готова была попросить разрешения у Хелен (после шести секунд знакомства) положить голову ей на колени, чтобы пару минут отдохнуть. У Хелен – она была в широких льняных брюках, эргономичных босоножках и больших круглых солнцезащитных очках, сдерживающих пряди конского хвоста с проблесками седины, – оказались такие материнские колени вкупе с материнской аурой, что к ней так и хотелось прислониться всей своей тяжестью, чтобы найти какую-никакую опору.

– Лапушка? – окликнула Хелен.

Разумеется, она была из тех женщин, которые запросто обращаются к незнакомцам со словами материнской ласки. А Джулия даже в окружении малолетних друзей Бена чувствовала себя скованно и неловко, величая их полными именами («Доброе утро, Эйва Р.»; «У тебя чудесный рюкзачок, Эванджелина; новый?»), как будто они – ее начальство или высокие гости, ожидающие, чтобы за очень краткий отрезок времени на них произвели впечатление.

– Обычно я не такая, – сказала Джулия, опустив уточнение: «на людях». – Я не... – С легким смешком она попыталась взять более непринужденный тон, чтобы казаться не столько придурочной, сколько загадочно-озабоченной. – В последние дни я не высыпаюсь, и это просто... это всего лишь один из тех... из тех...

– Один из *тех*, – с дружеской непринужденностью подхватила Хелен, поглаживая ее по руке. – Я их прекрасно помню.

Стоя с Хелен плечом к плечу, они тогда смотрели на Бена, как на рекламно-информационный ролик – с универсальной позиции незнакомых родителей, наблюдающих за детской игрой в футбол.

– В этом возрасте они просто прелесть, правда? – сказала Хелен и тяжело опустилась на одно колено рядом с Беном. – Этой девушке под сорок лет, – сообщила она ему, жестом указывая на игуану, и он заморгал, нервно и благоговейно глядя на случайную знакомую. – Наверняка больше, чем твоей маме. – Подняв глаза на Джулию, она подмигнула, и Джулия испытала какое-то возбуждение, не сексуальное, нет, но и не явно асексуальное, своего рода *пробуждение*; она не могла вспомнить, когда в последний раз ей кто-нибудь подмигивал. Ее захлестнуло какое-то заговорщическое тепло.

– По слухам, их долголетие обусловлено трезвым образом жизни и почти полным отказом от мяса. Я бы охотно согласилась по крайней мере на половину таких условий.

Она снова посмотрела на Джулию, и Джулия, условно говоря, посмеялась, но тут прибежал еще один ребенок, который локтем отодвинул Бена в сторону и наотмашь ударил раскрытой ладонью по стеклу. От неожиданности Бен вскочил и, попятившись к Джулии, прижался к ее ногам; хотя она и порадовалась, что он опять при ней, в непосредственной близости, у нее подступили слезы: ее малыш уже смирился с тем, что всегда будет пасовать перед хулиганами.

– Почему у нее такая огромная башка? – спросил ребенок, и Хелен, не моргнув глазом, ответила:

– То же самое можно спросить о тебе.

Мальчонка поднял на нее удивленный взгляд.

– Стекло не тронь, пожалуйста, – продолжала Хелен. – До тебя кое-кто другой спокойно дожидался своей очереди.

Она протянула руку Бену, который посмотрел на Джулию, ища разрешения, а потом сделал неуверенный шаг вперед, взял Хелен за руку и вернулся на свое законное место перед одиночкой-игуаной.

– Как я уже говорила, – понизив голос, Хелен обратилась к Бену, словно к старинному приятелю, – игуаны, ко всему прочему, невероятно живучи: такая может целиком лишиться хвоста, и он отрастет заново, хотя это не причина для того, чтобы им почем зря досаждали пещерные человечки.

Джулия наблюдала (Хелен безмятежно делилась поэтическими домыслами о том, как игуаны выживают после падения с огромной высоты), одновременно смущаясь и успокаиваясь. Ведь это она должна была бы вести сына сквозь жизненные препятствия, излагая ему околону научные факты с метафорическим подтекстом, который способствует развитию навыков самопомощи, необходимых для психологической устойчивости вкупе с личностным ростом; но она была благодарна судьбе, что в данный момент от нее этого не требуется, безмерно благодарна, что может, оставаясь в стороне, смотреть, как это делает за нее кто-то другой.

– Вы так с ним терпеливы, – сказала она, когда Хелен выпрямилась в полный рост.

– Натренировалась. Пятерых подняла, – ответила Хелен.

По мнению Джулии – сущий кошмар.

– Ого, ничего себе.

– Теперь, конечно, все выросли: зрелые мужчины, так сказать, и никакого терпения с ними не хватает – с каждым по-своему. Ваш-то на вид умница.

– Это так, – подтвердила она, но тут же занервничала и оговорила: – То есть не стану похвалиться, что его вот-вот пригласят на работу в «Майкрософт», но он... да, по развитию... ну, вы понимаете, на уровне.

Ее бросило в краску. Она просто не хотела уподобляться вьющимся вокруг «Светлых улыбок» мамочкам, которые не упускают случая подчеркнуть, что их отпрыски накоротке с виолончелями вдвое больше их самих и свободно общаются с кассиром-сомалийцем в ближайшем супермаркете.

– А сейчас чем вы с ним тут занимаетесь? – спросила Хелен.

Джулия взяла крошечную паузу для обработки ответа. Чем она вообще занимается? Каких-то девять секунд назад она планировала, чем бы с пользой занять вторую половину дня: в списке значились покупки в «Здоровом питании», тихий час для Бена в дороге, просмотр тридцатиминутного повтора «Маппет-шоу» – только одной серии, больше не допускалось.

– Я собираюсь мороженого поесть, – сказала Хелен. Часы показывали десять сорок девять утра. – Не хотите присоединиться?

Джулия уже готова была на автомате отказаться, благо привязка к маленькому ребенку служит для этого удобным предлогом, а также потому, что все это выглядело более чем странно. Ее способность интерпретировать самые элементарные смыслы практически отмерла, социальные мышцы атрофировались, и, скорее всего, безнадежно. Она терялась в вопросах этикета и не знала правил первого знакомства взрослых с перспективой дружбы.

– Я, право, не хочу навязываться, – выговорила она, но с определенной неохотой, потому что на самом деле ей очень даже хотелось навязаться; очень хотелось посидеть за столиком с кем-нибудь, еще не превратившимся, в отличие от нее самой, в зомби; ей хотелось найти теплую, легкую на подъем возрастную подругу с навыками общения, инстинктами выживания и длинным, веселым конским хвостом. Но больше всего ей хотелось посидеть за столиком с Хелен, и она кивнула.

* * *

Они заказали по стаканчику мягкого мороженого во «Флоугурте» – кафе при студии йоги, а затем погрузили Бена в прогулочную коляску и вернулись в тот же ботанический сад; для Джулии это было второе посещение за день. Ее личный свод еженедельных правил запрещал повторные посещения в течение одной недели (не только каждого из парков, но и дендрария, и мастерской по росписи керамики, и гимнастического центра) – во-первых, чтобы приучать себя к разнообразию, а во-вторых, чтобы не оставлять лишних следов: аналогичным образом выпивоха стремится расширять свой диапазон значных мест.

– Недавно тут поселились? – спросила Хелен.

– Как сказать... Мы с отцом Бена переехали сюда, когда наш сын был... ну, еще грудничком, так что, думаю, не так уж недавно.

– Развелись? – спросила Хелен, и она встрепенулась.

– Простите?

– Вы с отцом Бена расстались?

А ведь она действительно называла его «отец Бена», а не «мой муж».

– Нет-нет, мы по-прежнему вместе. Мы... Без малого пять лет.

Жизнь в браке требует стараний; жизнь в браке требует зарыть топор войны. Но они не зарыли ни одного из своих топоров; вместо этого она маскировала топоры декоративными полотенчиками для рук, и оба они делали вид, что топоров не существует. Время от времени она ловила на себе взгляд Марка и задавалась вопросами: что он видит; у всех ли брак становится таким, как у них, когда двое, некогда влюбленные друг в друга до безумия, застревают в разных углах кухни, смутно осознавая избыточный вес и эмоциональные прегрешения, а на плите выкипает вода из кастрюли с макаронами в форме «Анимашек», и остается только припоминать, как оно было прежде.

– Я выражаюсь как разведенная? – спросила Джулия.

Хелен рассмеялась:

– А как выражаются разведенные?

У Джулии вновь навернулись слезы – совсем чуть-чуть. Хелен протянула ей пачку бумажных салфеток.

– Н-да, сдается мне, сегодня кое у кого критические дни, – шутливо сказала Хелен.

– Простите, – повторила Джулия.

Одной из главных причин, по которой она так старательно избегала других мам, было то, что все они, по ее убеждению, относились к ней с жалостью и растерянностью. «Мы-то все смирились с этим в первые несколько недель, – вроде как думали они. – А ты почему до сих пор такая, спустя три года?»

– Нет ничего труднее, – сказала Хелен, – чем быть мамой.

– Нет-нет, на самом деле это не так уж и... – Но подразумевалось другое: естественно, это жуть; «быть мамой» – точное определение жути.

– Самое главное, как я выяснила, – говорит Хелен, – сдерживать слезы до тех пор, пока все не лягут спать.

– Не волнуйтесь, я тоже плачу именно в такое время, – сказала Джулия, опять рассмешив Хелен.

Даже не верилось, что это происходит взаправду и обстоятельства по ее хотению сложились так, что она в утренние часы, на досуге, насладились замороженным десертом в компании зрелой женщины, у которой в сумочке, вероятно, имелись и шприц-тюбик «ЭпиПен», и помада «Шанель». Тут ей вспомнился шарфик Хелен, незаметно и бескомпромиссно впитавший в себя ее сопли и с бездумной поспешностью засунутый ею в неглубокие недра собственной сумки; засуетившись, она извлекла его на свет.

– Простите, вот, спасибо, – зачастила она и протянула шарфик владелице, которая тут же завязала его узлом на ремешке своей сумки, не обращая внимания на застывшую слезу и опять излучая свою отличительную особенность – непринужденное материнство, которое, на зависть Джулии, явно воспринимала как должное.

– По какой-то конкретной причине? – спросила Хелен. – Или вообще?

Если широкими мазками, то по причине основополагающих фактов бытия: она несчастна, что в общем и целом неудивительно. И еще одна загвоздка: ей не позволено иметь проблемы, хотя они у нее имеются; точнее, ей не позволено называть их проблемами.

– Да нет... когда как. Я...

Ну и как завершить эту фразу? «Я безнадежно несчастна. От природы неблагодарна. Непрерывно паникую, вечно тревожусь, боюсь остаться такой на всю жизнь». Она раскрыла рот, намереваясь отпустить шутку («Я, видимо, никогда не получу солидную, ослепительную привилегию, которую так и не научусь презирать» или «Что там у Чехова сказано про счастливые семьи? Что все мамы чокнутые?»), но ничего не смогла выдать.

– Просто немного устала.

Ее постоянно переполняло тошнотворное, затхлое чувство слишком долгой бессонницы, в ушах стоял звон, а глубоко в корнях зубов ныла сладковатая боль.

– У тебя депрессия? – спросила Хелен, и Джулия чуть не подавилась йогуртовым мороженым, но Хелен просто смотрела на нее ровным и спокойным взглядом.

– Вообще-то, мне...

Но у нее вдруг открылась способность видеть себя с расстояния: с расстояния между нею и Хелен, и все ее обычные отговорки – перед мужем, перед самой собой (дескать, у нее просто плохой день или ей нужно еще пару часиков поспать) – сделались до смешного фальшивыми.

– Думаю, такое возможно, – продолжила она. – Не в том смысле, что я... то есть... у меня для этого нет никаких причин, но все же я предполагаю, что...

– Причина не обязательна, – сказала Хелен. – Ее может и не быть. Давно это у тебя?

Лет примерно тридцать шесть, ответила она без слов.

А вслух сказала:

– Меньше, чем живет на свете та игуана. – (Но Хелен даже не улыбнулась.) – В той или иной степени это было у меня всегда. Ну, то есть... я, конечно, не приставала к посторонним и не грузила их своими проблемами.

– Справедливости ради заметим, – сказала Хелен, – что я сама спросила. А ты ни словом не обмолвилась, в чем состоят твои проблемы.

– Если честно, я до конца еще не разобралась, в чем они состоят, – сказала она. – Вообще-то, я не особо счастливый человек. Просто я такая... как есть.

Как ни мал был этот шаг, но со своим бесполезным психоаналитиком она никогда не заходила столь далеко и сейчас почувствовала, что пора сбавить обороты, дабы не отпугнуть Хелен окончательно.

– А у вас как в этом плане? – спросила она. – Теперь вы расскажите... о себе.

Поскольку все ее время проходило в общении с ребенком, она утратила навык установления контактов со взрослыми: у нее получалось то хищно, то враждебно; например, совсем недавно, на фуршете, пытаясь сказать приятное одной из коллег Марка, она обронила: «Вы всегда ходите с такой прической?» Но Хелен невозмутимо и четко изложила все подробности своей жизни: она недавно вышла на пенсию и теперь занимается садом, а ее муж, Пит, обучается по индивидуальной программе в Чикагском университете.

– Сколько мы с ним знакомы, он в основном сдает по одному предмету за семестр. Такими темпами в следующем тысячелетии он, возможно, получит совершенно не востребо- ванную степень бакалавра по античной поэзии. – Хелен помешала свой йогурт. – Не слишком прибыльное занятие, но по-человечески он необыкновенно обаятелен, потому я и держусь за него.

– Вау, как же вы... с пятью детьми? Выживаете?

– Я сказала, что мой муж не зарабатывает, – ответила Хелен. – Но о себе ничего подобного не говорила. Признайся, милая: ты считаешь себя феминисткой?

Джулия побледнела, но потом, к счастью, до нее дошло, что собеседница над ней подшучивает. Когда они возобновили прогулку, Хелен то и дело на ходу подталкивала ее плечом: это физическое прикосновение и пугало, и волновало Джулию.

– Извините, нет, – ответила она.

– Я адвокат, – улыбнулась ей Хелен. – А ты? Как ты проводишь время?

Такая формулировка почему-то звучала хуже, нежели «А ты чем занимаешься?». Джулия терпеть не могла подобные вопросы – все они были завуалированными версиями основного: «Кто ты такая?», на который у нее, очевидно, и прежде не было внятного ответа, а уж в последнее время – тем более.

– Я не адвокат, – ответила она.

И склонилась над откидным верхом коляски. Бен, зачарованный гоготом стайки гусей, задумчиво сосал свою зеленую пластмассовую ложку. Его вид успокоил ее и восстановил в правах; конечно, использовать детей в таких целях неэтично, но, во-первых, в той или иной степени так поступают все, а во-вторых, лучше уж так (по ее твердому убеждению), чем альтернатива – вообще никак не использовать своих отпрысков. Стоило ли рассказывать постороннему человеку о своей хлипкой родительской философии, которая, по сути, сводилась к тому, чтобы выполнять свои обязанности лучше, чем ее родная мать? Или о совершенно невразумительной, но солидно именуемой должности Марка, которая позволяла оплачивать это нелепое пригородное жилище и в то же время заставляла мужа большую часть суток находиться вне дома? Или о том, как она проводит дни с Беном, пичкая его тошнотворными кружочками сосисок и зелеными шариками соевых бобов молочной спелости; как ошпаривает себе запястье, пробуя воду в ванне, или как в тридцатитысячный раз читает сыну «Ласкового щенка», пытаясь воспитать в нем живость и доброту, хотя сама по большей части не ощущает себя ни доброй, ни живой?

– До рождения Бена я работала в библиотеке.

– Скучаешь по тому времени?

– Изредка. Раньше скучала больше. Но теперь не представляю, на сколько меня хватит.

– Разные занятия требуют разных видов энергии, – великодушно отметила Хелен. – У тебя забот полон рот.

И это, конечно, была чистая правда, но в то же время и вопиющая неправда, особенно в глазах такой, как Хелен, которая, очевидно, успевала в сорок тысяч раз больше, чем Джулия: в логистическом смысле быт Джулии никак не мог считаться пущенным на самотек, но ей часто казалось, что кто-то накрыл ее большим, изнурительно тяжелым ковром. Они снова оказались у входа в ботанический сад. Смахнув слезы, она остановилась и присела на корточки рядом с коляской, чтобы вытереть Бену губы салфеткой. Она почувствовала, что Хелен опять за ней наблюдает.

– Как я уже говорила, Пит сидел дома с мальчишками, – сказала Хелен, – но самое странное, что я помню из их раннего детства, – это невероятно медленное течение времени, когда каждый день растягивается на миллион лет, но затем, по истечении долгих месяцев, вдруг рождается следующий малыш, или один из детей поступает в детский сад, а то и в колледж – подумать только! – и вот... Сколько времени ушло на размышления о ходе времени – просто диву даешься

– Да-да, – сказала Джулия. – Я тоже довольно много... размышляю.

– У меня к тебе просьба, Джулия, – сказала Хелен. – На тот случай, если твои размышления вдруг покажутся... слишком тягостными. Сделай одолжение, позвони мне, хорошо?

– Ну нет, – отрезала она, потому что не имела такой привычки. – Нет-нет, я сама справлюсь, честное слово; вам не придется...

– Да я ведь сама предложила, – сказала Хелен. – Давай договоримся? Забудь о том, что для этого нужна причина. Ты просто сделаешь мне одолжение, если как-нибудь позвонишь. Мне только приятно будет.

– Вы совсем не обязаны...

– Я – грустная, одинокая пенсионерка, – сгустила краски Хелен, чем рассмешила Джулию. – Я определенно деградирую, постоянно сидя у телефона в ожидании чьего-нибудь звонка, так что ты уж, пожалуйста, сделай мне одолжение – позвони, Джулия, договорились?

– Да, – кивнула она. – Да, я позвоню.

* * *

– Как прошло свидание? – спросила Селия, когда Джулия с Марком в тот вечер вернулись домой. Селия – их спасительница, няня, – убаюкивала Бена песнями Тома Чапина и мыла детскую посуду вручную, хотя у них была посудомоечная машина. Джулии захотелось усадить ее за стол, откупорить бутылку вина и поведать все начистоту. Тебе правда интересно, Карго-Штаны-Небывалой-Ширины? Я задрыхла в машине еще по дороге в ресторан.

«Анонимные нарколептики» – так Джулия про себя называла их самих: каждую вторую среду они с Марком устраивали неизменное свидание за ужином; это была целая дурацкая церемония, ради которой она красила губы и не позволяла себе надеть удобный бюстгальтер для кормящих; ехали они на Рэндольф-стрит или в Линкольн-Парк, а иногда в какую-нибудь пафосную дыру в каком-нибудь далеком, зловещем пригороде и во время поездки вели типично занудливые родительские беседы, какие ведут между собой типично занудливые родители, встречаясь на принудительных мероприятиях, притом что оба предпочли бы спать, мастурбировать или смотреть «Клан Сопрано», сидя перед разными телевизорами: речь у них шла о достижениях Бена, о режиме сна Бена, о перепадах настроения Бена и – Боже правый – ты замечаешь: он теперь через слово вставляет «вообще-то», умора, правда? – а ко всему прочему на тумбочке для почты лежит реклама какого-то *пиратского* лагеря, о котором рассказывала одна мамочка из «Светлых улыбок», – предполагается, что он полезен для развития характера: там не учат детей реальному пиратству, а формируют более позитивные

черты, которые нечасто ассоциируются с этим родом занятий, такие как стрессоустойчивость и быстрота принятия решений. За этими разговорами они плавно добрались до Андерсонвилла, где не по делу дорогой местный ресторан в стиле «американский фьюжн» предлагал идиотские коктейли с такими названиями, как «Ракия тяготения» или «Случай портвейна», и после затяжной декламации винной карты в исполнении недоброго хипстера, который их обслуживал, празднество началось.

– Весело, – слабо выдавила она, повесила куртку и стала обшаривать карманы в поисках бумажника.

– Обхохочешься, – подхватил Марк и на секунду коснулся ее спины, вроде бы даже с нежностью.

После расставания с Хелен она заведенным порядком провела вторую половину дня с Беном: обед, игра в «лего», раскраска, многочисленные перекусы; но все это время ее что-то пьянило: то ли взрослый разговор, то ли социальная стимуляция, то ли – вполне возможно – просто образ самой Хелен. Джулия поймала себя на том, что разоткровенничалась с Хелен (ей уже стало неловко) и что с Марком о такой откровенности не могло быть и речи. Насколько ей помнилось, с ним она вообще никогда не раскрывалась по-настоящему.

– А у нашего сына как прошел день? – спросила она, терзаясь чувством вины оттого, что сама не спела Бену колыбельную.

– Обалденно, – ответила Селия. – Мы с ним делали аппликации «Колорформ». За ужином он съел все подчистую. Перед отходом ко сну я использую такой прием: мы с ним вместе сочиняем историю, так? По очереди? Фраза за фразой, так? Значит, он тоже вносит свой вклад? У него неумная фантазия, так?

Няня была убеждена, что богатое воображение малыша как-то связано с тем, что у него безмозглые родители, ибо так действует своего рода суперкомпенсаторный когнитивный механизм преодоления.

– Спасибо за все, – сказала Джулия. – Нам так повезло, что у нас есть ты.

Она расплатилась с Селией, рассеянно отметив, что сумма, которую они теперь тратят на среднестатистический выход в свет (ужин, плюс коктейли, плюс няня, плюс подписка на кабельные каналы премиум-класса, которые, уложив ребенка, охотно смотрит няня, плюс доплата наличными, чтобы обеспечить няне достойное питание и неомраченное расположение духа), почти сравнялась со стоимостью авиаперелета в Грецию.

* * *

Потом, лежа в постели, она слушала, как Марк чистит зубы, и пыталась привести в порядок собственные мысли. Каждый день из ее головы, как по кабельной сети, выплывала сумасшедшая бегущая строка, которая тянулась от рутины (*вызвать сантехника для прочистки раковины в туалете; купить арахисового масла*) до философских рассуждений (*новый стоматолог Бена похож на Горбачева; всех ли тревожит, как меня, проблема ожирения у животных*), а по ночам она не могла сообразить, как отключается этот канал.

И еще одну мысль она прокручивала часто, маниакально, возмущенно: *ведь так было не всегда!* Понятное дело, рассуждала она, это клише применимо к чему угодно, ко всему; но признавала она и то, что сама в какой-то мере всегда была такой, как есть, – недоверчивой, нелюдистой, но при этом никогда не ощущала себя в этом мире столь неудобно, как теперь.

– О чем задумалась? – спросил Марк, выходя из ванной.

– Так, ни о чем. – Она сглотнула застрявший в горле комок. – Просто хотелось бы узнать, кто же все-таки убил Джонбенет Рэмси.

С минуту он ее изучал, потом залез под одеяло, повозился со своим будильником и наконец перевернулся набок, лицом к ней. Нежность в его взгляде подействовала на нее угнетающе; пришлось сделать над собой усилие, чтобы не съезжиться.

– Хорошо сегодня посидели.

От такой откровенной фальши она невольно улыбнулась. За вечер Марк выпил полтора бокала вина – для него это был перебор, который сейчас отражался на лице.

– Что не так? Я серьезно. По крайней мере, лично я прекрасно отдохнул.

– Я тоже, – сказала она, и он запустил пальцы ей в волосы, притянул к себе, но помедлил и, откинув голову назад, взгляделся в лицо жены.

– Что? – нервно спросила она.

– Ты... приготовилась к худшему?

Она сглотнула очередной комок.

– Ничего подобного.

– Ощущение такое, будто ты напрягаешься от моего прикосновения.

– Вовсе нет, – сказала она. – У меня просто спина затекла.

– Если не хочешь, говори прямо.

– Не в том дело, – сказала она и добавила: – Я хочу.

Он не спускал с нее глаз.

– Я хочу, но думаю, что мне надо сходить к мануальному терапевту.

– Прямо сейчас?

– В ближайшее время.

Он выдержал паузу.

– Знаешь, мне тут попалась одна статья.

Она закрыла глаза.

– Угу.

– О супружеских отношениях в период ухода за ребенком.

– Похоже, увлекательное чтение.

– Там приведены разные статистические данные о важности сохранения близости даже в тех случаях, когда... ну, даже когда жизнь не слишком к этому располагает, о важности даже самых простых форм интима, и, по мнению большинства... как я понимаю, нужно уделять больше внимания *прикосновениям*.

– В смысле... телесным?

– Разумеется, телесным. Каким же еще?

Она не ответила и лишь обратила пылающее лицо к потолку. Прежде она успокаивала себя мыслью, что влечение когда-нибудь вернется, как возвращается из рейса скиталец-возлюбленный.

– Но тебя ко мне совсем не тянет? – спросил он.

– Да я... Господи, меня... Конечно; я просто...

– Ты уверена?

До рождения Бена ничто не побуждало ее притворяться в постели с Марком, да и необходимости не было, а ко всему прочему актриса из нее никакая. Марк, хоть и далекий от идеала, всегда проявлял к ней внимание, и ее тянуло к нему, ей всегда (пока они не увязли в застойной, асексуальной трясине родительства) было с ним хорошо.

– Прости, – сказала она. – А в этом трактате о *прикосновениях*, случайно, не сказано, что после родов не все сразу прыгают в постель?

– У тебя после родов прошло более трех лет, – отметил Марк. – Думаю, с твоей стороны несправедливо использовать Бена как этакий документ об освобождении от сексуального рабства, чтобы...

– А ты в этом сценарии – рабовладелец?

Она заметила, что он на миг задержал дыхание.

– Забудь, – бросил он, откатываясь в сторону. – Забудь, что я сделал такую попытку.

Старый добрый бесхитростный Марк, сидевший напротив нее за столиком в ресторане. Он хотел второго ребенка. На первых порах, когда они еще не знали, что значит иметь хотя бы одного, речь у них шла о троих, однако в последнее время он все чаще повторял «ну, может, еще одного», будто суля ей какую-то награду.

– Я об этом подумываю, – сказал он за ужином, будто о новой марке носков, и она залпом выпила полбокала вина.

Суть вопроса, с точки зрения Марка, была досадной и неудивительной: она не молодеет, он действительно считает, что Бену пойдет на пользу, если у него появится брат или сестра, а иначе зачем они купили дом с тремя спальнями?

Перечень ответов обдумывался ею долго: что она уже стала смотреть на свой не юный возраст через противоположную призму, которая высвечивает не столько шанс воспользоваться остатками молодости, сколько возможность сдать. Что жизнь сама по себе не отвечает принципу «Ты построй – они придут», который подразумевает, что пустые комнаты нужны для того, чтобы населить их своими собственными отпрысками.

Она постоянно пыталась достучаться до него через этот светлый, оптимистичный отцовский лик и научный практицизм. «Если у нас будет еще один ребенок, я буквально лопну. Как кислородный баллон или...» Но ей так и не пришлось в голову, какие еще элементы образуют взрывоопасную смесь.

«Давай немного повременим, – вот на чем она обычно останавливалась, милая, умеренная мамаша, поборница золотой середины, – давай запасемся терпением; пусть каждый прислушается к своему внутреннему голосу; давай всеми силами избегать повторной семейной катастрофы».

Но Марк был хорошим отцом. Деловой, энергичный, он всегда радовался возможности побыть с Беном. Когда у Джулии начались схватки, он читал ей Пабло Неруду (хотя она на тысячу процентов об этом не просила) и раз в неделю задерживался с выходом на работу, чтобы отвезти Бена в детский сад. Она не вполне понимала, какой во всем этом прок, но была уверена: нельзя не любить мужа, если он хороший отец. Она знала: к этому надо стремиться. Для ребенка надо желать всего, а для себя – всего ничего.

– Сейчас не самое подходящее время, – двусмысленно ответила она, чтобы это могло пониматься как «В данный момент у меня нет овуляции», так и «Давай подождем, пока из меня не выветрится эта проклятая дурь».

Она пожалела, что надела обычный бюстгальтер, не предназначенный ни для периода грудного вскармливания, ни для занятий спортом – единственный в ее гардеробе, что было нелепо, поскольку кормить грудью она перестала два года назад, а к спорту даже близко не стояла; но бюстгальтер для кормящих был удобнее прочих; если они собираются и впредь так же пререкаться, пусть ей хотя бы не приходится терпеть унижение от, условно говоря, супружеской беседы, страдая от пары остроконечных «косточек» в форме смайликов, впивающихся ей в бока.

– В этих вопросах поступай как хочешь, Джулс, – сказал Марк.

Такая у них была договоренность: прогрессивный, вольнолюбивый Марк никогда не будет принуждать жену сидеть дома с ребенком. И Джулия нутром понимала: случись ей когда-нибудь спросонья надумать вернуться на работу, освоить вязание крючком или обучиться игре на фортепиано, Марк ее всецело поддержит. Он уже согласился на то, чтобы Бен два с половиной дня в неделю посещал детский сад, хотя она в основном использовала отсутствие сына, чтобы слушать «Би-Джиз» и кататонически глазеть то в одно окно, то в другое.

Она поклялась себе стать лучше своей родной матери. Обещала, что будет реализовываться и искриться; обещала, что никогда не станет такой мамашей, которую ждешь, когда она

далеко, но досадливо обходишь стороной, когда она близко. Впрочем, до поры до времени эти родительские инстинкты проявлялись только в том, что ее сын продолжал существовать, а она изредка забиралась по ночам к нему в кроватку и обнимала его, спящего, благоговей перед его отдельностью, и милотой, и запахом его шеи, отчего мгновенно переносилась в ту раннюю пору, когда еще казалось, что все срастется. Она была счастлива, когда он родился; счастливее, чем могла себе представить; ей следовало бы понимать, что это ненадолго.

– На словах все легко, а на деле трудно, – сказала она, и ее муж набрал полную грудь воздуха – можно подумать, хотел сосредоточиться, будто нахождение рядом с ней требовало от него немалых усилий и терпимости. Но когда он заговорил, голос его оказался мягче, нежели она предвидела:

– Я понимаю, Джулс.

В свой черед и она почувствовала, что смягчается: это же Марк – опекун, эмпат, ее союзник.

На третьем свидании Марк повел ее на концерт *Pearl Jam*. У него была невероятно пышная шевелюра. Заботливый и предупредительный, он по собственной инициативе взял за правило готовить для нее воскресные завтраки. Он даже любил ее с энтузиазмом, от всего сердца, и считал, что этого хватает с лихвой. Никто не предупредил ее о грядущем одиночестве, о ранних подъемах мужа, о неумолимом режиме кормления грудью на протяжении всего первого года, о жутковатых звуках, которые издавали ночами половицы, когда она кралась на кухню в поисках вредных перекусов, о том, как супруги перестают вместе нырять в постель и начинают проваливаться в непривлекательный быстрый сон: всхрапывают, или бормочут, или машинально бубнят по памяти список продуктов. Марка необычайно рассмешила ее бессознательная, обращенная к нему тирада о сравнительных достоинствах жирного и обезжиренного йогурта, но ее саму это напугало до чертиков: какая же она – даже в сонной неподвижности – зануда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.